

Блинкина О.Е. Сегодня 27 сентября 2004 года я, Блинкина Ольга Евгеньевна, в рамках программы «История семьи» беру интервью у Воробьева Олега Михайловича.

Москва

27.09.04

О. ...начнем с бабушки?

В. Давайте с бабушки.

О. Звали ее Надежда Михайловна. Девичья фамилия Емчинова. Родилась она в 1882 году в г.Тбилиси. В 1910 году она приехала вместе с мужем, с моим дедушкой, в Москву. В Тбилиси она окончила Повивальный институт (известно, что такое повивальные бабки?). По приезде в Москву закончила, до революции, фельдшерские курсы доктора Левинсона. Это какие-то высшие курсы были. И здесь поступила тоже в медицинский институт московский, окончила 3 курса, ну и ушла с третьего курса, т.к. в 1906 году у нее родился мой отец – Воробьев Михаил Николаевич. А дедушка мой, Воробьев Николай Петрович, родился в городе Кутаиси в 1883 году. Скончался (не надо, когда он скончался говорить?)...

В. Ну, если знаете, почему не надо...

О. В 1963. А бабушка в 69 году.

В. Здесь в Москве?

О. В Москве.

В. А дедушка кем был?

О. А дедушка... окончил три высших учебных заведения у меня. Коммерческий институт, вот я вам показывал этот диплом, потом, как же вот он назывался?...в Тбилиси он окончил Учительский институт. И там, после окончания Учительского института, он преподавал в Военно-фельдшерской школе. Это школа такая была, которая готовила фельдшеров для армии. И потом он перебрался, его командировали, в Москву, тоже в военно-фельдшерскую школу, в Москве была. Она была где-то в районе Лефортово, эта школа. Где там я сейчас не знаю, где-то...он мне рассказывал –где-то недалеко от тюрьмы. Когда отец, они там жили несколько лет - , в 10-м году они приехали сюда в Москву, до 15-го года жили в Лефортово, меняли там хозяев. Когда-то он говорил, но я как то не запомнил, у каких хозяев. Там раньше домики эти были, с хозяевами, и они снимали там. И он там преподавал, в военно-фельдшерской (вот фотография...)

В. А преподавал что?

О. Он мог все преподавать. Он преподавал и математику, и русский, и литературу. Он был у меня очень эрудированный, он все знал. Его чего ни спросишь - он все знал. И

физику спросишь, по физике - как задачка решается – он тебе объяснит; химию, формулу какую-нибудь – он тебе все объяснит. Даже ребята у меня со двора, вот где мы жили на Бауманской, там вот улица Фридриха Энгельса около метро Бауманская, приходили пожилые люди из института, в котором он работал, и говорили: «Николай Петрович, вот не знаем как это сделать». Он все знал. Даже удивительно иногда было, что он все знает. И историю знал, знал про Москву все, хоть и приехал в 910-м, но все, очень хорошо... Как и мой отец, прекрасно Москву знал. Знал здания, что здесь было, что, когда. Я этого не знаю, мне надо прочитать. Ну, у меня книжки про Москву есть, я, если чего-нибудь нужно будет, прочту.

В. А какие-нибудь связи у них остались с Грузией? Родственники там...?

О. С Грузией, да, конечно. Да, ну все почти что умерли. Сейчас остались только моей троюродной сестры дочки. Сейчас бедствуют там. Все, что было нажито, все распродали, все.

В. Они в Тбилиси живут?

О. Да, они кончили тоже в Южной Осетии Педагогический институт, обе дочки... и живут сейчас там, семьями, живут плохо. Даже до того, что пекли дома пирожки и продавали на улице, до того доходило, что люди с высшим образованием... Ужасно! Ужасно!

В. А третье какое у него было образование?

О. А вот, Межевой институт, это сейчас на Казакова улице – это Геодезии и картографии институт это межевой. Коммерческий, межевой и учительский, да. Но тех дипломов не осталось. А вот этот только, интересный, есть...

В. А дальше они как, где жил, после революции?

О. А после революции он стал преподавателем, когда разогнали Военно-фельдшерское. Это военное учреждение было, там были белые офицеры и все такое, выдали фотографию? Там такой в форме... Там были военнообязанными преподаватели все, хоть они и были со штатскими такими знаниями, военному делу их не обучали, но они преподавали, для армии готовили фельдшеров и на военном положении были. Был начальник этой военно-фельдшерской школы, который приказывал. И интересно еще что, он, когда преподавал в Военно-фельдшерской школе, там не разрешали нигде по совместительству работать, и он тайком кончил вот этот Межевой институт. Ему хотелось учиться все время.

В. И что, когда их разогнали?

О. Разогнали в 17-м году и все кончилось, как революция была. И он преподавал, сначала железнодорожные какие-то курсы были при Курском вокзале, потом какие-то курсы водников, преподавал. И стал все по мелочи уже. Его несколько раз приглашали, он какие-то лекции читал в Бауманском институте, но это было так, случайно, там кто-то его знакомый, я даже его не знал, кто такой, там преподавал тоже, и он его иногда по знакомству приглашал туда, чтобы ему немножко подработать.

В. А бабушка не работала?

О. Бабушка не работала. Бабушка (вот Омутищи, вы видали фотографию, я там правда прыгаю, ничего?) Бабушку, когда эти курсы Левинсона они здесь кончили, ее как на практику послали в деревню Омутищи и вся деревня к ней приходила, потому что первый лекарь там был, больше там никого не было, никаких врачей, никого. Она всем и таблеточки давала, и даже детей принимала. И потом начало было, не помню какой год, но это еще было до революции, не то 16-й, может быть 15-й год. И так мы много лет ездили туда на лето, там уж нас все знали: - ага, Воробьевы, дачники, приехали, пойдём к ним. Все знали нас. И я туда ездил, летом мы там отдыхали.

В. И там все свои были?

О. Все были свои. Потом некоторые перебрались жильцы, раскулаченные были, к кому-то в Москве, в Новогиреево, это был загород. Там им разрешили построить домик. они построили домик, а потом все снесли, потом они квартиры получили.

В. То есть их из Омутищ раскулачили, а потом они по возвращении ...

О. Да, да, да, там богатая деревня была, очень богатая, там такие хорошие дома, потрясающие были. Они занимались ткачеством и потом у каждого была, конечно, корова, лошадь и гречишные поля были, они гречиху там сажали, гречневую... Было прекрасно. В Клязьме, была она чистая, рыбы много было, и стерлядь там была, и что там только не было. Я сам иногда ловил, там артель была. Меня: «Ну пошли, ночью, часа в четыре», там посвистят мне, я вскакивал, бежал. И то я в лодке, а то по берегу, это трудно по берегу идти и невод держать. А те заводят, значит, на лодке. Ну ведро рыбы мне всегда давали.

В. Это промышленная была ловля?

О. Ну да, они должны что-то такое сдать там, какой-то, как это называлось-то раньше, какая-то промартель что ли, черт ее знает. Они сдавали туда рыбу покрупнее, а мелочь себе домой, ну иногда и крупную могли дать, ничего страшного.

В. Всю деревню пораскулачили?

О. Да, всю деревню. У каждого был станок, там ткачество было. Я помню мне дали, старого издания, в кожаном переплете вот такую толстую Библию. И вот я все мучился. Там было по-старославянскому написано, но иллюстрации были Густава Дорэ, они потрясающие, я эту книжку все время... кое-что читал, кое-что просто иллюстрации смотрел.

В. А там верующие были – бабушка, дедушка?

О. Да, верующие. Они ходили туда к Петушкам, Костырево что ли деревня, там церковь была. Километров восемь пешком ходили.

В. А ваша?

О. А это деревня было, это не село было, а деревня, там церкви не было.

В. А в Москве ходили в церковь бабушка с дедушкой?

О. Дедушка не ходил, дедушка такой, он атеистом был, ему некогда было. А бабушка, мы жили же на Бауманской, там Елоховская церковь то рядышком.

В. А бабушка так до конца дней и ходила туда, да?

О. Да. Ну в последнее время они никуда не ходила, старенькая была... ну не такая уж, 86 лет ей было она умерла.

В. Но она по старости не ходила, не потому что перестала верить?

О. Да. Но так она у меня общественница бабушка была, очень энергичная женщина. Тоже всем помогала, чем могла. У них то студенты жили, когда еще меня не было. Потом няня у меня была... Вот даже, когда забрали моих родителей, у нас эта няня жила. Это дедушка ее привел, просто какую-то с улицы девочку, она были из Смоленска, Серафима ее звали Хоменко (как же это ее раньше была фамилия? Это она замуж когда вышла). Она у нас жила, кормили мы ее, она нигде не работала сначала, потом устроилась только работать, потому что ничего не умела делать. Дед ее учил писать, читать, она абсолютно безграмотная.

В. То есть она просто жила, это уж потом она няней вашей стала?

О. Да, потом, она говорит: «Я от вас не уйду никуда, я буду помогать». Она была свидетельницей, как забрали моих родителей, как обыск был, нас всех... из кроватей..., я, правда, спал не на кровати... сестре моей было два года, мне еще семи лет не было, отца в апреле забрали, а я с 30-го года, в августе родился.

В. У вас с сестрой получается 6-го и 5-го, да? [августа]

О. А сестра, да, пятого родилась. Разница в пять лет у нас. Подгадали интересно. Я в Москве зачат, родился, а моя сестра на Дальнем Востоке. Отца же послали работать на Дальний Восток. Хотите, прочтите.

В. Нет, вы расскажите.

О. Здесь у меня записаны все братья бабушкины, все. А вот мой отец. Про отца рассказать?

В. Да.

О. Родился 25 апреля 1906 года в городе Тбилиси в семье учителя, дедушка назывался учитель-воспитатель, он в военно-фельдшерской школе воспитателем был и учителем.

В. То есть из мещанского сословия они были, да, считается? Или...

О. Служащие. Потому что я ничего не знаю про отца дедушки. Сейчас я вам скажу, у меня только что записано и больше я ничего не знаю, кого я ни спрашивал, никто ничего не знает. Всех спрашивал, кого успел, кто еще живой, а потом никого не осталось, некого спросить даже. Это отец моего дедушки – Петр Матвеевич. Он был военный фельдшер, коллежский регистратор, должность. Из мещан ли, я не знаю, он считался служащим. Он из служащих.

В. Но по происхождению мог бы быть и дворянин, и мещанин.

О. Да, не знаю кто. Только фотография есть.

В. А сколько вообще у бабушки с дедушкой детей было?

О. У бабушки с дедушкой был только один сын, мой отец.

В. И все, да?

О. Да. Не знаю, почему они не постарались. Один. А со стороны мамы было: Варвара – старшая сестра, потом Валентина, мы ее называли Лина, потом Василий, сын и Нина – младшая сестра, она с 1910 года, сейчас она с моей сестрой живет.

В. Жива еще, да?

О. Да. Но плохо чувствует себя, ноги не ходят. 94 года. Отец умер у меня тоже, два месяца не дожил до 95 лет, скончался.

Ну что, я не знаю, может быть просто прочесть лучше?

В. Нет, а по маминым корням, чем занимались ее братья и сестры? То есть про бабушку с дедушкой вы ничего не знаете? Про тех?

О. Про тех? Нет, ничего не знаю. Я знаю, что дедушка мой по маминой линии был священником, Всесвятской, здесь у Сокола, в этой церкви. Меня там крестили в этой же церкви. То есть тогда не разрешали.

В. Тайно крестили?

О. Да, тайно крестили. И моих родителей там венчали тоже, в темноте, при свечах. И когда сказали: - «Будьте муж и жена» – и вдруг свет включили. А то целый день света не было в этом районе.

В. А, то есть они не потому, что прятались, свет выключили?

О. Нет, нет, нет, не потому что. Вечером, в 29 году. А я в 30-м родился как раз.

В. То есть тоже тайно там крестили, не на дому, в церкви, да? Может быть там можно про него что-нибудь узнать.

О. Может быть. Я вот хочу сказать, тетка моя ничего не говорит. Она старая стала: «Ничего я вам не буду рассказывать, пошли вы все». - «Ну скажи хоть, когда бабушка там родилась». – «Я не помню». Как-то не знаю почему, не интересовались.

В. Может она не знает?

О. Да, знает она, знает. А может быть забыла уже все. Но узнаем.

В. Но в церкви можно узнать.

О. Это только я могу про деда своего узнать там, может там книжки есть. Он там же был и похоронен около церкви, а потом аннулировали же. Сейчас, где остановка, круг этот троллейбусов, за церковью, знаете, может были в этом районе, за метро? Это же кладбище было. И там по костям, кто вывез. Я, например, дедушку своего оттуда вывез. Пригласили, маленький такой гробик дали, я кости все сложил. Самое интересное, что он был похоронен в какой-то куртке, все истлело, а бархатный воротничок остался.

В. То есть вам разрешили как бы эксгумировать тело?

О. Да. И его на Планерной, бабушку там похоронили и его.

В. Как же такое разрешили?

О. Звонили и сказали, что вы будете забирать труп?

В. То есть, когда они аннулировали кладбище?

О. Да, аннулировали кладбище, они всем звонили. Ну кто приехал, кто нет.

В. Только от них шла инициатива?

О. Да, от властей.

В. Ничего себе, я себе представила, что там ночью, тайно схоронили.

О. Нет, нет. Только вот оставили там эти, около церкви, памятники есть... грузинского, забыл..., Багратиона, там семейство Багратиони, и там захоронения остались.

В. И захоронения остались?

О. И захоронения остались. А дедушка сзади был, как раз отсекли. Он там недалеко был, но все равно сейчас там домик построили церковный, он был недалеко от церкви похоронен.

В. То есть как священник. А на Планерской там уже после бабушки похоронили?

О. Да, потому что уже здесь не разрешили хоронить. Бабушка говорила: «Нет, сжигать меня не надо». Это сейчас всех сжигают. Но если место есть, а то куда-то к «черту на куличики» загонят, и пожилые люди, кто туда будет навещать, потом все это сравнивают и ничего не останется. А дедушку с бабушкой мы похоронили у Николая Архангельского. И отец мой... И муж моей сестры похоронен там же. Но там урны. Сделали такой саркофаг железобетонный, там урночки, на восемь штук. Холмик есть. Но хоронили отца когда, отгребли этот холмик, открыли крышку, туда поставили. Ну не хотели, чтобы они, говорят, что мы вам платим, все сделаем. – Нет, мы сами. Аккуратно все сделали. Чтоб заплатить, иногда денег нет, одна пенсия, так чтобы на сторону еще заплатить.

В. А еще братья и сестры мамины, кто они? Мама младшая была?

О. Нет, Нина Александровна самая младшая. Нет, самый младший Василий Александрович был. А мама была вторая, она с 6-го года, Варвара, по-моему со второго. Ниночка самая предпоследняя, она с 10-го года. Ее дочке задание уж давно дал, все никак. Я говорю: «Про отца своего напиши мне что-нибудь. Я, говорю, в свою тетрадку запишу». Это дочка его. Но она такая на старости лет...

В. А кем они были?

О. Кем были я точно не знаю. Я знаю, что Ниночка была... Она окончила гимназию, она прекрасно чертила, прекрасно рисовала, у нее графика была потрясающая. Она работала сначала, где сейчас на Кузнецком мосту, что там за учреждение было, не знаю, я правда ходил туда на елки, когда у меня родителей не было. Она говорила: «Я записала, что у меня есть сын» и я на елки ходил в тот период, когда у меня родителей не было. Сейчас банк угловой, Рождественка, угловой банк круглый, вот она здесь работала. Какое там учреждение было? Какое-то проектное. А потом она стала работать в авиационной промышленности. Она делала наглядные разрезы самолетов, всех конструкций, такие плакаты цветные делала.

В. То есть она как чертежник?

О. Она как чертежник, да и чертежник такое не выдаст, там в перспективе надо было все сделать. Конструктором она была. Вы знаете, сейчас я вам покажу, вот как эта специальность называется. Вот сечение, например, вот самолета...

В. Это чертежник-конструктор.

О. Это как и художник. Вот она такие вот вещи делала.

В. И вас заодно еще растила. То есть вы к ней ближе всего наверно были, да?

О. Да, на несколько лет. Ну мы Ниночкой называли.

В. А остальные?

О. Остальные, дядя Вася работал, золотые руки, он тоже... учился в школе, потом в каком-то техникуме, не знаю в каком.

В. Преподавал или учился?

О. Учился. Он всю войну прошел. Первая жена его Мария. Он на фронте заболел брюшным тифом и уже все, умирал совсем, она это узнала, кто-то за него написал письмо, она поехала к нему. Бросила работу, и с ребенком, и его выхаживала. Выходила. Он физически очень сильный был такой человек. Но он был тоже, прекрасные сам приемники делал. Первый приемник ламповый сделал, наушники, все сам делал, все умел сделать, что хотите. Мог построить дом, мог приемник сделать, мог все починить, на все руки мастер.

А Варвара тоже работала в каких-то учреждениях. Она была по фамилии Владимирова. Муж у нее был тоже инженер, не то строитель, не то механик. Также был

такой правдолюбивец, что его даже не в 37-м, в каком-то 35-м году тоже посадили. Их из Москвы выселили даже.

В. Это Варвару с детьми?

О. Да, Варвару с детьми. У нее была дочка, Ия звали, потом Арест и Юра, трое, два сына, и все они, всей семьей поехали сначала, как это называется, Октябрьский что ли, где Кандагач, вот Северный Казахстан, где-то там, забыл как называется.

В. Но они сами туда поехали, или это было место высылки?

О. Это место высылки было, поселение. Потом они приехали, когда, еще в какое-то место они немножко приблизились, когда их освободили, разрешили. Но в Москве не разрешили жить. Они во Владимире жили. И Юра сейчас, их младший сын, там живет с семьей своей.

В. До сих пор?

О. До сих пор, да. Ия сначала замуж вышла и перебралась в Люберцы, там жила, потом она работала здесь в сварочно-монтажном тресте. Она в МГУ вообще училась, на каком факультете не помню.

В. На техническом?

О. В Университете училась. Техническая специальность у нее была. В сварочно-монтажном работала и ей дали квартиру здесь, она сейчас на улице Гиляровского, проспект Мира, сзади, где Олимпийский, здесь начало Гиляровского улица, она здесь живет. У нее сын один. Он кончил физический институт, сейчас в Америке.

В. Работает или насовсем?

О. Работает. Не знаю, уже долго живет. Здесь у нее квартира, она здесь, а он с семьей там в Америке.

В. А вы так вообще детьми общались, когда маленькими были, все двоюродные?

О. Общались, конечно, все общались. Это сейчас все разрознены, не знаю почему. С сестрой двоюродной, с дяди Васиной, мы общаемся, со своей даже и то сестрой реже. У нее тоже внук, она его возит в школу куда-то, целый день занята, и, мне некогда, говорит, к тебе приехать. Она живет в Перово. У нее там хорошая квартира трехкомнатная. Хоть с теткой живет, дочка ее, внук и она. Один мужчина и три женщины.

В. Все хозяйство на ней.

О. Да. То туда, то сюда.

В. Вот и хорошо. К родителям перейдем.

О. К моим родителям?

В. Ну, может быть, как начали, с папы? Или хотите с мамы?

О. Ну с мамой очень коротко. Валентина Александровна, 1906 года, 5 ноября родилась. Училась сначала в гимназии, потом на улице Радио, здесь в Москве, она москвичка, в Москве родилась. И бабушка с дедушкой, все москвичи. Иногда на лето выезжали, не знаю что там было, какие-то родственники там жили, Богословские – фамилия, а мама моя была Куровой. Курова, это богословская какая-то фамилия.

В. Они же священники.

О. Да, священники. Красная Пахра, мы на лето выезжали туда.

В. Ну снимали, или свое было?

О. Ну снимали или кто-то там был знакомый. Дедушка, он здесь был, они жили в Москве, он там тоже в церкви служил. В каком месте, в какой церкви не знаю.

В. Может ее уже нет.

О. Может ее нет, может коммунисты все взорвали. Мама училась в гимназии, потом в Институте благородных девиц, но она его не кончила. Родился я, сначала наверно все женихалась, а потом родился я в 30-м году.

В. Институт благородных девиц гораздо раньше закончил свое существование.

О. Ну она и кончила в нем учиться. Где-то на улице Радио по-моему был. А, нет, Радищевское училище там было, Училище им.Радищева, там только девушки учились. Лефортово, это на той стороне, где ЦАГИ, там еще церковь какая-то есть большая, не помню какая. Представляете Москву-то, насколько это, тут Бауманская кончается, низ, это улица Радио, может сейчас ее переименовали, сейчас переименовывают иногда. А так, как я родился, она была домашней хозяйкой все время.

В. А где они с папой познакомились?

О. Они познакомились... Она жила здесь рядом с Бауманской, до сих пор этот домик есть одноэтажный, около 29-го отделения милиции, Посланников переулок. А отец жил, где мы родились все. Общие у них там знакомые были: Аркадий Михайлович, который штурман дальней авиации, во время войны бомбить летал в Германию, Лариса. Они меня иногда подкидывали к ним. Они жили в соседнем доме, примыкающем. У нас 3/5, угловой, а это дом 7 был. Сейчас он какой-то 35-й стал, все переименовали, все номера на Бауманской.

В. То есть это просто по районному признаку познакомились?

О. Да. В году 27-м наверно, 28-м. Фотография есть, где эти вот Аркадий и Лариса. Потом посмотрите, я вам расскажу. Фотографии тоже надо объяснить, а то вы не знаете никого. Я сам даже не знаю некоторых. Ну вот о маме и все. Воспитывала детей. В 1933-м году первый раз меня мама и папа повезли в Тбилиси. Я был первый правнук, мужчина при том еще. Все там в Тбилиси радовались. Меня привезли, мне было три года. Вот я ходил...

В. А помните, по рассказам, про эту поездку в Тбилиси?

О. Ну что-то очень и очень смутно, и так, кто начинает вспоминать, рассказывать, я что-то такое припоминаю. Могу рассказать, но это будет уже отступление, но ничего. В 33-м году повезли туда. Все, как в Грузию приехали из Москвы, каждый день застолья, там родственников столько у нас было, то у одного, на следующий день у другого, третьего, четвертого. Раз я даже пропал там. Отец с матерью моей: «Куда пропал сын?» Но это мой двоюродный дед, пока они отвлеклись, под мышку меня и на базар, «Павлодар» что ли он назывался, своим приятелям-собутельникам показывать первого правнука: - «Смотрите какой у меня»... А я был такой плотный, в бурках, у меня бурки такие. Посадил меня на бочку, приятелей своих пригласил, они вино здесь в честь первого правнука, а мне так в вино макали хлеб и тоже давали. —«Ничего, здоровее будет». И я тоже хлеб с вином сосал. Но они не водку пили-то, а сухое вино, кахетинское. Отец искал, и он все-таки меня нашел, он даже пистолет, он был военнообязанный и ему разрешали, пистолет носил, он начал в небо стрелять. Видит, толпа стоит и я на бочке. Больше он ничего не видит. Большая бочка такая была винная. И я сидел, а вокруг эти старички стояли.

В. Не совсем трезвый...

О. Да, может быть и не трезвый был, этого я не помню, как я себя чувствовал. Вот так, в 33-м всех посетили. Были я уж не помню сколько. И по приезде в Москве отцу командировку выписали, вместе с семьей, на Дальний Восток, строить аэродромы вдоль границы. Перед этим он под Москвой строил, отец мой, склады боеприпасов. У него разнообразная была... В Новогиреево – школу собаководства. Там же, по-моему, в Новогиреево, или в Лосиноостровском – голубеводства школу. В Очаково строил какой то химический склад. Сейчас это Москва. Там нам тоже давали дачку, мы там жили на берегу прудика, а на верху жил врач какой-то, он там какие-то эксперименты все время производил. Может он мне говорил, что там химические склады. Там кролики у него

были, он им прививал что-то, делал. Мы иногда ходили, нам разрешали смотреть, что там творится.

Так отступление. Во время войны, у кого вши были, он приглашал к себе, вшей этих собирал и иногда доноров искал. Он на коленку клал тряпочку ворсистую и туда из баночки, чтобы они напитались крови, вшей кормил. Он делал какую-то жидкость из этого, чтобы на фронте промазывали все швы, чтобы не обовшиветь. Все же вшивые были на фронте, солдаты-то, ужасно. Я сам, когда в эвакуации был, мы с мамой стирали вот эти стеганки в Волге. Я камнем еще из этих швов гниды вычищал, такой палочкой, ножом. Солдатские, да. Стирали, сушили. Они были хорошие, но в швах прямо гниды были, ужасно.

В. А это он там просто работал? Да?

О. Этот человек работал.

В. Служебные там были дачи?

О. Да, служебные там дачи были, да. Потом Лосино-островская, в Лосинке, Лось. Тоже ему какое-то дали служебное помещение. Там у нас появилось, из этого питомника, ему дали Амбру, доберман-пинчер ему у нас был. Сучка была.

В. Тоже временная или навсегда?

О. Нет, она была долго, долго. Потом мы отдали ее во Владимир. Почему во Владимир вернулись, кто же там жил перед этим? Или тети Варин муж, может, был из Владимира? Мы его звали Алексис. Дворянские прозвища. Жорж...

Конец стороны «А»

<выпущен кусок не по теме>

В. И чего вы на этой даче в Лосинке?

О. В Лосинке? Вот, тоже жили. Это я хорошо помню, что все немцы, которые жили с нами, все приезжали к нам туда погостить.

В. Немцы, которые где с вами жили?

О. Немцы жили в нашем доме. Нет, не в Лефортово. В нашем доме на Бауманской. На втором этаже жили вот эти Гремплер. Это еще было до войны, наверно 35-й, 36-й год. Послали же отца работать туда. Мы сначала были в Воздвиженке, фотографии есть, потом во Владивостоке были. Самое интересное, что меня в армию когда забрали, туда же попал в эти места.

В. Во Владивосток?

О. Во Владивосток, Хабаровск. Почему меня не послали к чертовой матери, на куличики, куда-нибудь, в Афган? У нас такой интересный набор был в армии. 64 человека, и все из Москвы, из техникумов, из первых курсов института, спецнабор был. Мы все такие образованные были ребята. У нас были наши старшины и капитаны, майоры, которые «ни в зуб ногой», мы их учили.

В. В институт готовили?

О. Поэтому никакой дедовщины не было, мы наоборот всеми этими офицерами и старшинами командовали. У нас готовили радистов. Я радио-телеграфистом был. И на слух принимал и автоматически. Это вообще-то раньше нельзя было говорить, но я скажу. Я был в радиоэлектронной разведке.

В. Ну понятно. Зачем же так подробно.

О. Что подробно? Я принимал шифры, я не знал что там написано.

В. Шифровальщик был отдельно?

О. Это отдельно, в штабе сидели. А я только принимал... Перехватывал.

В. Отец строил, получается, аэродромы военные?

О. Аэродромы военные, с Китаем по границе, около Ханки (?), Халхин-гол, вот где все это было, здесь строились аэродромы. И еще потом должен быть строить, но у него кончился... Всего на год его туда послали, год ровно мы там были, и в 35-м году сюда уже вернулись. И отца по рекомендации его приятелей, знакомых, его направили сюда, в Центральный аэродром, вот сейчас, где аэровокзал, в производственный отдел, чтобы за ремонтом следить, расширением взлетно-посадочной и какие-то бензохранилища. Он и пострадал из-за бензохранилища. Там до него построили. Вот он заступает на работу, там принимал, и говорит: «А чего это у вас в опалубке стоит?» «Да, говорят, давно, еще не доделали». Начали опалубку снимать и этот козырек рухнул. И на отца все свалили.

В. То есть ему на самом деле предъявлено было какое-то вредительство?

О. Да. Вот так совпало.

В. Думаете, что если бы этого не было, обошлось бы, или все равно посадили?

О. Может быть Там всех посадили. Всех посадили...

В. Кто был на этом аэродроме? Такое групповое было дело?

О. Да. Всех там посажали, всех расстреляли почти. Вот смотрите. Прочту немножко. Вот он пишет:

«Приняли меня хорошо, я был назначен главным инженером в управлении военно-строительных работ № 24. На это только что организованное управление возлагалась реконструкция Центрального аэродрома РКК им.Фрунзе. Это было старое Ходынское поле на Ленинградском шоссе. Начальником строительства был назначен начальник аэродрома Зиновий Николаевич Рейвичер, личность популярная среди летного состава. А его заместителем был бывший комендант города Москвы Петухов. Оба в 37-м году были расстреляны. Работа шла успешно, план выполнялся, все было благополучно, но человек предполагает, а Бог располагает. На одном из участков строительства строилось бензохранилище, подземные резервуары и раздаточная будка, площадью 25 кв.метров над землей. Работы на них производились еще до моего назначения. Вот тут и началось мое несчастье. После распалубки железобетонное перекрытие этой будки обрушилось. Это был март, 1937-й год. Виновным оказался я. По мнению чекистов. Строили рабочие, наблюдал десятник, прораб и начальник данного участка, а виноватым оказался я. Меня немедленно уволили и дело о нарушениях передали в следственный орган ГПУ. 20 апреля 37-го года ночью пришли с ордером на обыск и арест. С этого дня начался страшный период жизни всей нашей семьи. Обыск, конечно, ничего не дал. Взяли только заграничный фирменный рекламный проект бензохранилища. Этой же ночью привезли меня на Лубянку, дом 14. Там ГПУ г.Москвы и Московской области. И посадили в «собачник», так называлось помещение для приема вновь арестованных. Вталкивали людей через каждые 5-10 минут. Набили, как сельдей в бочку. Этой же ночью меня вызвали на первый допрос, который вел старший лейтенант госбезопасности Жилин. Первый вопрос: «Вы являетесь членом контрреволюционной вредительской организации?» Я ответил, что ни в какой контрреволюционной организации я не состою и о существовании таковой не знаю. Не помню, как долго длился допрос. При допросе врывался несколько раз гориллообразный чекист и кричал, что нужно сознаться, а то будет плохо. После допроса меня поместили в «собачник», где поток арестованных не уменьшался. Одних уводили, других приводили. Через некоторое время, я был уже... а был уже день, в приемной камере. Окон не было. Посадили в тюремную машину и повезли. Приехали. Скомандовали: «выходи, руки назад». И повели в «предбанник», так назвалось приемное отделение Бутырской тюрьмы. Велели разуться, раздеться догола, всего осмотрели, заглянули в задницу, взяли ремни, подтяжки, срезали все металлические крючки и повели дальше по лестнице. Я оказался первым в камере № 53 на третьем этаже. Я выбрал себе место посередине, потом перебрался, по совету одного арестованного уже

не в первый раз, ближе к окну. «А то дышать будет нечем» - сказал он. Камера быстро наполнилась и в течение 2-3 суток наполнилась через всякие меры. В камере, рассчитанной на 30 человек, было 185. А иногда и больше. Спали и под нарами. Хотя на ночь из коридора приносили козлы и деревянные щиты. Ночью камера была уже трехэтажной. Кормили неплохо, три раза в день, ежедневно прогулка 15 минут. Если кому передавали с воли денег, то была лавочка, где можно было купить папиросы, хлеб, масло, и что-то еще, не помню. Через несколько дней меня увезли на Лубянку, 14, во внутреннюю тюрьму. Там была светлая камера на 6 человек. Помню только Андрианова, начальника Мосэнерго. Кормили хорошо, ежедневная прогулка. На допрос меня вызвали только один раз и сказали, что обманываю следствие, что на меня показал зам.начальника производственного отдела строительного управления МВО, который, как я заявил, к моему объекту отношения не имел и на объекте никогда не был, кроме того дня, когда обрушилось перекрытие - он был членом комиссии. Никаких записей следователь не вел, только разговаривал.

Затем мне предъявили новое обвинение. Что печки в 10-ти брусчатых домах в конце Чапаевского переулка были сложены вредительски. На что я ответил, что если бы печки были вредительски построены, то дома сразу после топки сгорели бы, однако этого не случилось. На следующий день меня опять привезли в Бутырки в камеру 53. Несколько раз, уже в Бутырках, меня вызывали к следователю по ночам. Это был чекист, который производил обыск у нас в доме. Задавали по несколько раз одни и те же вопросы, которые я решительно отрицал. В ночь на 14-е ноября 37-го года я был вызван ночью не знаю куда. Меня напутствовал Сергей Алексеевич Бессонов, бывший дипломат, работавший в нашем посольстве в Германии, изъездивший всю Европу и Америку. Он говорил... он проснулся, пробрался через кучу проснувшихся людей, все просыпались, когда дверь тюремной камеры открывалась и каждый думал: а не его ли вызывают? Бессонов несколько раз за время, данное мне на сборы, говорил: «Миша, говори только правду и только правду, отведи от себя ложь и клевету, говори только правду». Вызвали меня ночью для ознакомления с моим обвинением и заключением. Когда я узнал, что меня будут судить в Военной коллегии Верховного суда СССР по статьям 58.7, 58.8 и 58.11... Рано утром вызвали меня с вещами и добрым напутствием всей камеры, я же был старостой камеры, потому что самый первый туда пришел, и повезли в Лефортовскую тюрьму». Во всех тюрьмах побывал, да, возили. «Привезли и посадили в «собачник», это примерно платяной шкаф, облицованный стеклянной плиткой, и сиденьем шириной 15 сантиметров и длиной 50 сантиметров». Такая узенькая скамеечка. «Сколько я там сидел, не знаю, но слышал ужасные крики женщины. То ли это была несчастная женщина, то ли это было

чтобы нагнать на подсудимого страх. Наконец дверь «собачника» открылась. Команда: «выходи» и два здоровых тюремщика повели меня наверх и затем ввели в довольно большую комнату, которая представляла зал судебных заседаний. Через несколько минут из противоположной двери вышли трое военных, представлявших из себя Военную коллегию Верховного суда СССР. После обычных вопросов: фамилия, имя, отчество, год рождения, мне было сказано, что следствием установлено, что я являюсь преступником против Советской власти, что я участник контрреволюционной организации, занимавшейся вредительством и ставивший перед собой цель – свержение Советской власти. «Признаете ли вы себя виновным?» Я ответил, что категорически отрицаю приписанные мне преступления. На это председатель заявил, что в этом меня уличил и подтверждает участие в преступлении перед Советской властью тот зам.начальника отдела, который был в составе комиссии по обрушению перекрытия. Я заявил Комиссии, что этот человек никакого отношения к строительству аэродрома не имел, что на этой стройке никогда не был и я с ним никогда лично не встречался, и только несколько раз видел в военно-строительном отделе штаба МВО. Председатель суда встал и объявил, что суд удаляется на совещание. Трудно запомнить, но совещание было не более 10 минут. А мне казалось, что они вышли в одну дверь и сейчас же вошли из другой. Председатель Коллегии объявил приговор, что я полностью изобличен в своей вредительской деятельности и являюсь членом контрреволюционной организации, за что Военная коллегия Верховного суда приговаривает меня – пауза – к 10 годам тюремного заключения с последующим поражением в правах на 5 лет. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Суд удалился. Я стал совершенно мокрым. И одновременно счастливым, что я остался живым.

Меня сразу повели в мою кабину, где я оставил свой ситор, мешок, сшитый мной из вафельного полотенца, купленного в Бутырской тюрьме накануне суда в Лефортове, о котором я не предполагал. В Бутырской лавочке я купил белый батон и еще что-то, не помню, в кабине у меня было такое состояние, как у голодающего человека, я ни о чем не думая, только вытащил батон и сразу его съел до крошки».

В. А вы ходили к нему в тюрьму?

О. Ну ходили передачи только... Я ходил, и бабушка ходила. И сначала мама ходила, но мама небольшой промежуток времени. И очень трудно было его поймать, то он в Бутырках... а туда передачи не передавали, на Лубянку. Только Бутырки или туда. И вот, то туда ездили, то туда ездили. – «Он выбыл». Несемя туда. Зачем так говорили? То

через несколько дней приходим – он здесь. Туда едем, говорят: - «нет, выбыл». Несемся в Бутырки.

В. То есть получается, вы и обыск помните, в общем-то, да? Сестра-то вряд ли...

О. Да, обыск я очень хорошо помню. Пришли ночью, все что-то искали, все книжки там выбросили, все белье, где лежало, все, все, все выпотрошили. Даже меня с кровати поднимали... А я не на кровати, не на кровати... Сестру, по-моему, нет, она маленькая совсем была. А я знаете, где спал? Мама с папой в одной комнате спали, дедушка с бабушкой во второй, а мы с сестрой в этой большой, ну она небольшая... Там всего жилой площади 33 метра, маленькая, компактная квартирка.

В. Она была не общая?

О. Не общая. Ну, когда отца забрали, туда НКВДиста с женой, у них детей не было. Одну комнату, где дедушка с бабушкой были, у нас так отсудили. И они у нас жили. Сначала опечатали, а потом вселили. И бабушка с дедушкой сюда, к нам переехали. И только освободили, когда отец вернулся, это весной, еще какие-то там мытарства продолжались. Тоже он куда-то ходил, жаловался.

В. Откуда он вернулся, из заключения или с фронта?

О. Из заключения. Куда то он начал ходить, что где же нам всем в этих маленьких двух комнатах жить. Нас было 6 человек.

В. Понятно. А с ними были какие-то взаимоотношения, с этими, вселенными?

О. Нет, никаких взаимоотношений не было, потому что, бабушка, когда прихожую мыла, теперь у нас коммуналка стала, значит надо было убираться, кухня общая, мы газеты расстелим. Он говорил: «Что это вы, там статьи есть про наше правительство, а вы по газетам этим, разве можно газеты стелить на пол?» Но была такая женщина очень резкая, на всех кричала всегда на нас, что мы - никто. А его почти что не было, он только поздно вечером приходил, рано-рано утром уходил. Она, помню, нигде не работала все время. А потом мы ее встречали, бабушка встречала несколько раз, и я ее видал, им где-то или квартиру дали, где-то в нашем районе... где-то видали, с ребенком. И кто-то мне рассказывал, или бабушка рассказывала, кого-то она встретила, и вот эту женщину... Что его... Это уже было после войны, что он погиб на фронте, у ней неудачно родился ребенок, тоже заболел во время войны, скончался, она вообще несчастная, опустилась так, эта женщина.

В. Пожалели?

О. Как ее, Зоя...Зоя...Зоя Федоровна, что ли, звали. Да нет, не пожалел. Ну жалко вообще людей то. Ну не надо было... вот мне всегда это ну как-то нехорошо, вот человек был начальником, и ко всем относился неподобным образом, а потом, когда с ним что-нибудь случилось, есть такие люди, которые тоже вровень становились, и стелятся такие. Они делаются такие, как слизняки, когда было высоко и вдруг упал. Ужасно нехорошо.

В. А когда уводили, он как бы понимал, что... Ждали ли вы этого ареста? Хотя, раз его уволили...

О. Да, он сразу, это все быстро сделали.

В. То есть у него не было ощущения какой-то неожиданности? Ошарашенности?

О. Да, он пришел домой и сразу все понял.

В. А это без него пришли?

О. Нет. Но он пришел домой когда, сказал, что у меня вот несчастье случилось, там прокуратура работает, не прокуратура, а комиссия какая-то.

В. Не было мыслей у мамы, у бабушки из Москвы куда-то уехать, спастись?

О. Нет, бабушка с дедушкой говорили, что никуда мы не уедем, мы здесь останемся. Они и во время войны, им же тоже предлагали уехать, они говорили, что нет, никуда не поедем, мы здесь и умрем.

В. Ну во время войны понятно. А чтобы не арестовали тогда жену, детей?

О. Не знаю, нет... Не арестовали сразу отца. А маму через... тоже приехали и сразу забрали. И все. В сентябре месяце. Я еще не учился в школе.

В. Время было у нее, чтобы уехать.

О. Время было... Вот потом началось. Пришли и сказали, что детей мы ваших забираем.

В. Кто пришел? Те же, кто и арестовывал?

О. Нет, какие то другие совсем пришли. Лица я их не помню. Пришли, с бабушкой говорили, дед на работе был, я где то во дворе гонял. Пришли... А бабушка сказала: «Они на даче, их сейчас нет». Когда мы пришли, у нас консилиум был. Дед говорит: «Что делать, и вправду заберут еще, что делать-то?». Соседи пришли, у нас Окунь, сейчас уже никого не осталось, это Марк Залманович умирает, до сих пор там живет... Как родные были. Он когда был этот дом Залмана Моисеевича, Окунь, у него были свои какие-то

магазинчики здесь в Москве, в Немецкой слободе, в районе Бауманской... Раньше улица Фридриха Энгельса называлась Ирининская. И вот они говорят: «На дачу давайте». И через два дня нас повезли. Я не помню, куда первый раз повезли. В Подмосковье. К Окуням на дачу. По-моему, это было где-то около Салтыковки. Салтыковка, недалеко. Это Горьковская дорога, Железнодорожный не доезжая. Мы сейчас арендуем дачку-то, следующая за Салтыковкой - Кучино.

...Ну вот, нас увезли. Какое то время мы там были. Потом, в сентябре, это сентябрь месяц. Я еще в школу не ходил, потому что тогда еще с восьми лет учились, дед говорит: «Ну что делать, вдруг опять придут?» Я не знаю, что он предпринимал, но мы уехали к другой бабушке, там не появлялись. А бабушка, мамина мама, они жили здесь вот, улица сейчас Царева называется, это были...здесь проезды были. Сейчас здесь дома здоровые построили, вот где Окружная дорога, как-то по другому называется....

В. С дачи, не завозя домой, сюда привезли?

О. Да. И мы здесь у бабушки жили, зимой и летом. У ней был домик небольшой, маленький полисадничек, цветочки. А бабушка жила с Ниночкой, с младшей своей дочкой. И мы здесь с сестрой жили. Здесь есть фотография, мы там на крылечке сидим.

В. А крестный?

О. А крестный потом.

В. Вы уже перезимовали?

О. Да, перезимовал, а потом весной Ниночка меня отвезла туда, мы поехали... Тихонова пустынь называется место. Она там была главным врачом сельским. Такой рубленый дом двухэтажный, это была больница, хорошо помню.

Вот крестная моя, Александра Ниловна. Она была замечательной женщиной. Но так у нее кончилось тоже, ее оклеветали, что у нее там в больнице новорожденный умер, или по чьему то науськиванию, который хозяйством занимался там мужчина, написал в НКВД и ей дали 15 лет. Потом она возвратилась...

В. И где она сидела?

О. Потом она возвратилась... И где она только сидела, это я не знаю. Не в Мордовии, где-то подальше, может быть в Пермской области... Она приблизительно бабушке ровесница, они вместе учились с ней... с папиной мамой. А крестный у меня был тоже врач, тоже врач в госпитале Бурденко, Теплов фамилия его, ...Родионович, как же его... что-то у меня старческие какие-то провалы, не помню имя-отчество. Родионыч, я

знаю, Теплов его фамилия. Он был военнообязанный, военный, у него здесь вот не то шпалы, не то ромбики были. Он так редко, но заходил. С дедушкой... А! Он с дедушкой был, он с дедушкой был в Военно-фельдшерской школе, вместе они там преподавали, и потом он... Но он врач был, он там врачебную какую-то дисциплину вел у фельдшеров, в Военно-фельдшерской школе.

В. Получается, когда родителей ваших забрали, ни соседи, ни родственники, ни крестные, никто не отвернулся?

О. Нет.

В. Не было таких случаев?

О. Не было, нет.

В. В школе? Во дворе?

О. Ну в школе да. Во дворе один только у меня противник был – Дворецкий Борька. Борька Дворецкий, фамилия у него...А у нас во дворе была фабрика, там булавки делали и вот эти заготовки для <нрзб>, резиночки всякие. Все в меня резиночками стрелял. Я тоже на него налетал. Но он был старше меня года на три наверно. Он был высокий, я маленький еще был.

В. Но это не просто детская вражда была? Это по теме ареста? Он говорил что-нибудь?

О. Да. Он мне говорил: «Ублюдок, враг народа». Ну родители, наверно... Она такая общественница была, общественники у нас разные были... Двор у нас был замечательный вообще, кроме нескольких человек: Груойк, еврейская фамилия такая, Груойк. Дочку Рэна звали, интересно. А Саша был... Я когда в эвакуации был, я встретил в городе Энгельсе, он летчиком был. И сразу же, наверно, погиб. Даже когда я сюда приехал, пошел к ним и говорю: «Я вашего сына видал». Они говорят, что когда только война началась, через два или три месяца... Но он до этого занимался в аэроклубе, его сразу забрали в какой-то... В Энгельсе же, там аэродром был огромный, немцы бомбили, там дальняя авиация была.

В. Считай, вы его последний самый видели...

О. Да, я его последний самый видел. Потом я ездил туда, хотел справку получить, что я во время войны работал. Ну меня там зачислили, нас с мамой тогда, мы стирали... Нам и деньги немножко давали, когда деньги, а когда продукты - сметану давали и пшено. Ну все это подручно было. Было тяжело. Помню, у меня были солдатики, игрушки

солдатики, много, целая коробка, мы с мамой торговали на рынке, по 25 рублей помню, продавали солдатиков. Перед Новым годом, помню. Жалко было.

В. Дали справку?

О. Нет, я в военкомат пошел туда, ничего у них не осталось, так как это от госпиталя было, там школа была, ее заняли, и никаких документов, ничего. Говорит, списки были, кто там помогал, ну потом было никому не нужно, и все выбросили.

В. А еще какие соседи были? Немцы были, да?

О. Немцы, да. В 13-й две старых девы жили, нет, одна не дева. Одна дева была, а другая... у ней дочка Тонечка была. Такая симпатичная женщина. Гулящая. То один муж, то второй, то третий, то четвертый, по-моему, шесть или семь мужей у нее было. Потом она остепенилась на последнем, вот у нее родился сын, потом они с мужем съехали, а эти две так и жили.

В. Эти - это кто?

О. У нас было, знаете как, у нас это отстроили после войны, шесть этажей стало. У нас было три этажа, где мы жили, весь дом был трехэтажный. Самый первый дом, где мы жили, это было... Нет, я просто не помню, какой год. Дом наш шестиэтажный стал, а был трехэтажный. Построили эти три этажа наши в 1887 году. Владелицей была Екатерина Григорьевна Терюхина. Последние четыре этажа надстроили во время войны, начали строить еще до войны. А наши квартиры были только 10-я, 11-я, 12-я и 13-я, наш уголок был там, отдельный вход... А затем к нашему дому архитектор Стешенский еще три этажа пристроил до самых ворот. А там, где сейчас какой-то международный этот, это его был кабинет, а где фабричка была, это сейчас там заочный экономический институт, во дворе в нашем.

В. И вы сказали, просто она уехала с мужем, эта Тоня?

О. Да. А эти жили, а потом какие-то другие люди.

В. Эти, в смысле две семьи или две женщины?

О. Две старых девы, мама ее и ее сестра. Такие сварливые, баба Бабариха, точно такие же были.

В. Тем не менее, когда это у вас все случилось, они не реагировали?

О. Да нет, никак не реагировали, ничего.

В. А другие соседи?

О. Другие, наоборот, помогали. Общались мы все время. Я ходил всегда к Маргарите Эдуардовне, она была строгая учительница. Дедушка целый день работал. Я к ней поднимался и говорил, что никак задачку не могу решить, и она мне подсказывала. Не то, чтобы разъяснила, а подсказывала. Это Груойк.

В. Это до того, как вас... когда вы уже от крестной вернулись?

О. Да, но у крестной я не долго был. А потом, в это время, когда я был у крестной, я один был, сестра моя у бабушки была... Я даже не знал... Это когда дедушка умер, когда паспорт его... и отец мой даже не знал, что мы были... он усыновил нас. И нас поэтому не стали трогать.

В. А есть у вас документы по усыновлению?

О. Нет ничего. Ну приходили, несколько раз приходили, но нас все время не было. «Где они?» «А они», говорили, «за городом, в другом городе».

В. То есть какое-то время, пока они все оформляли...

О. Да, да, да... Наверно, но я ничего не знал. Я уже узнал, когда мне было 23 года, что я, оказывается, не своих родителей, а дедушки и бабушки. Как ему удалось это, я не знаю, он ничего не говорил.

В. И дальше? Вот вы вернулись, получается год 38-й, от всех бабушек, дедушек, крестных?..

О. Из круиза. Да, может быть даже 39-й начало, а нет, в 38-м я вернулся. Я пошел в первый класс уже здесь, в сентябре 38-го. В общем эта вся перепетия с сентября, как маму забрали, с сентября 37-го и по сентябрь, целый год продолжалось, и что отстали, я даже не знал ничего.

В. А к маме вы тоже ходили с бабушкой, передачи носили?

О. К маме ходили только раза два или три. Сказали, и ее сразу увезли туда в Мордовию, в Потьму.

В. То есть быстро все... А писать?

О. А писать, нет, сначала я не знаю, когда начали писать.

В. А вы помните первое письмо как от кого-то из них пришло?

О. Да. Первое письмо пришло от отца, он с кем-то... Ну вот я не знаю, где это может быть...

В. Ну мы посмотрим потом...

О. (перебирает письма). письма сыну в тюрьму, это писали бабушка с дедушкой, я писал. Все письма написаны карандашом. Вот Соловецкие, вот, может, здесь. Сначала он в Соловецкой, а потом вот в Норильске. Здесь телеграммы.

В. А, значит отец. Ну да, он раньше и сел... Вообще надо сказать, писал он много. Но он писал не только вам?

О. Вот письма, если посмотрите, он писал: «Сообщите адрес, почему мне Лина не пишет?» Писал только дедушке и бабушке, а она же не знала его адреса, ее забрали.

В. Получается, что вы оттуда из своего заключения тоже что-то писали?

О. А это отец писал, по-моему.

В. А это он просто к дедушке и бабушке так обращался...

О. Да, да...

В. А вот Вы говорилие, он всем друзьям писал, знакомым...

О. Нет, не из тюрьмы, не из тюрьмы, не из тюрьмы. Нет, нет, это вообще, он всегда писал.

В. И вот он попал на Соловки, а потом его перевели...

О. Там он, там он только в тюрьме был...

В. А там уже в это время лагеря-то и не было... Там же уже лагерь кончился, там с 37-го по 39-й была только тюрьма. А в Норильск его перевели в связи с закрытием тюрьмы получается, да?

О. Он говорит, что в последний момент нас выпустили камни долбить, аэродром тоже, посадочную площадку хотели делать.

В. По специальности. 39-й...Понятно. И дальше его перевели оттуда и...

О. И потом, да, потом вот поехал...

В. Долгий у него этап был? Вообще чего-нибудь рассказывал сам про это?

О. (листает). Это он сам, я над душой у него сидел и говорил: «Пиши. Пиши. Пиши».

В. А, то есть это вы его заставили писать воспоминания?

О. Да, «что помнишь». Потому что, я говорю: «А что же ты не помнишь года и время?» «Да, - говорит, - забыл все». Я говорю: «Интересно было бы проследить по времени, сколько ты там был, сколько там». Он говорит, что не помнит ничего, все перепуталось в голове.

В. То есть вы туда ему писали, он вам оттуда, а мама? Не сразу?

О. А мама не сразу начала писать, Она начала писать, наверное только в тридцать...Ее в 37-м тоже забрали, она наверно в середине 38-го только узнала его адрес. Ну надо проследить.

В. А вам-то она когда начала писать? Уже из лагеря, или из тюрьмы?

О. Нет, она почти что в тюрьме не была, она в Бутырках была и попала в ту же 53-ю камеру, где и отец сидел, где он там начертил свои инициалы и написал 10 лет плюс 5. Она видала. Когда она вернулась, говорит: «В такой-то камере не ты случайно написал?» Он говорит: «А ты что, видала?» - «Да».

В. А лагерные ее подруги, они между собой общались?

О. Вы знаете, одна какая то женщина к ней приходила, а потом куда-то пропала. Не знаю. Нет, мама ни с кем не общалась почти что. Вот одна только приходила, после того, как она умерла.

Конец стороны «Б» 1 кассеты.

Начало 2 кассеты, сторона «А»

В. Вопрос вот какой: значит маму посадили позже отца, и посадили, как члена семьи изменника Родины? Отца дело на пересмотр пошло в 40-м году в феврале, вернее маму освободили в феврале, а его дело пошло на пересмотр в июле 40-ого, а освободили его в 41-м. Получается, ее, как члена семьи, освободили раньше, чем даже начался пересмотр... И вообще, почему вот у них такое совпадение? Ну в 40-м, 39-м, в связи с Берией, освобождали. Ну вот либо, если человек еще не приговорен, либо... А вот, что их обоих... То ли какие-то ходатайства... Отчего был пересмотр?

О. Ходатайство? Да, дедушка писал все время, всему правительству писал. Но у нас этих документов, копий, ничего нет. Он очень много писал, он все время писал.

В. И это могло быть просто результатом его деятельности?

О. Может быть.

В. А обсуждали они, почему ее раньше освободили, чем его? Или почему ее сразу, а он там чуть ли ни полгода все это делал? Хотя понятно, на него дело, а у нее нет.

О. Да, у нее же не было ни суда, ничего, никакого, по-моему. Ее просто забрали и все.

В. Заочно, если она, как член семьи изменника Родины, потом приговаривали.

О. Вот такая справочка самописная есть, я могу сейчас посмотреть, вот где-то она есть.

В. Вот есть справка, вы давали нам

О. Такую синенькую, от руки написанную?

В. Нет, копия печатной.

О. А то есть еще непечатная...

В. А отношения в школе какие были?

О. Я пошел в школу в 38-м году, раньше с 8-ми лет начинали учиться. Когда я пришел, сначала ничего не было, все нормально. Вспомню, как звали учительницу – Киссель Фелицата Николаевна. Фелицата вообще русское имя, а вот фамилия... может, по мужу На еврейку похожа была.... Ну вот, успокаивала... И первая стычка была... У нас такой Зайцев был, он небольшого роста был и жил здесь, около немецкого рынка было общежитие, не знаю откуда они, приезжие, как это раньше называли – лимитчики. Такой сбитень, крепкий мальчик. И вот он говорит: «А у Воробьева-то все враги родители». Вот он что сказал, первый раз. Я на него налетел. Меня к директору повели. Директор ничего мне, спросил, почему я дрался. Я сказал, что он меня оскорбил. Он мне ничего не сказал, но говорит: «Больше так не реагируй, пожалуйста, лучше скажи учительнице». Но я не привык ябедничать. Я... Ну, почти что в этот год в первом классе ничего не повторялось. Во втором классе кто-то меня задел, Трофимов, я помню даже фамилию, тоже он все время поджужливал... У нас, когда я выходил из школы 352-й, на Фридриха Энгельса, две керосинных было. Я когда шел из школы, мне очень нравился запах керосина. И я всегда подходил, там всегда денатуратом и керосином пахло. Ой, как приятно пахло! Серьезно. Там две керосинных было, и заходил в первую, и во вторую. Вот он несколько раз меня встретил и говорит: «Где ты живешь?». Я говорю: «3/5». «Ну вот мы придем... А, ты в жидовском доме живешь?..» А почему наш дом прозвали жидовским, потому что у нас на третьем этаже жили циркачи Дэйгины. Он был администратором в цирке, сначала где-то в цирке в в нашем был, а потом стали разъезжать, вот это Шапито сопровождал. Там целый этаж - был все еврейские семьи. Там Дэйгины жили, Груойк, Рэна и Саша были у них дети. И вот он говорит, «мы придем и еще тебя, врага народа, поколотим», в общем. Ну никто не приходил. Он несколько раз так меня стращал.

Ну и в доме у нас вот такой Дворецкий Борис, почему-то меня недолюбливал. Я на него несколько раз налетал. Иногда меня разнимали ребята. Он выше меня, я подпрыгивал, до лица очень трудно было достать ему стукнуть. Я его все под дых бил.

В. А учительница?

О. А учительница да. Ну как-то еще какие-то замечания такие были, она говорила: «Чтобы в моем классе не смел никто никому ничего говорить. Не смейте говорить, и на переменах не смейте говорить». Может послушались, никто ничего никому не говорил.

В. А в связи с чем она говорила, что это у нее немецкая фамилия, ой, не немецкая фамилия, а возникал-то разговор в связи с чем? Это уже позже было наверно?

О. Вот сейчас вспомню... Кто-то ее спросил. А, у нас такая любопытная девочка, я даже ее помню фамилию, мальчики все были в нее влюблены, Неустрова такая была

девочка. Вот она что-то спросила ее насчет национальности. «Что то у вас такая странная фамилия?» Она говорит: «Я еврейка». Поэтому мы все знали.

В. Еще в классе были арестованы родители?

О. Был еще один мальчик. Он у нас недолго учился, потом куда то перевелся. Или они переехали, не знаю. Он где-то не в нашей стороне жил, а куда-то ходил далеко, как-то никакого контакта не было.

В. Общались больше по географическому...

О. Да. Да. Да, конечно.

В. Хорошо. Потом уже родители вернулись... Мама сначала.

О. Мама вернулась в 40-м году.

В. А как вы узнали про это? Она написала или просто так - появилась?

О. Она, по-моему, что-то написала нам... но она как-то предупредила. Но я не помню, встречали мы ее или нет. Вот этого я не помню.

В. А вы когда-нибудь думали, что родители виноваты или не виноваты, или в доме были разговоры, что нет дыма без огня?

О. Нет, я никогда не думал, что виноваты. Потому что отец меня на этот аэродром водил, знакомил... Я даже с Какинаки был знаком, потом Чкалова несколько раз видел. Вот Беляков, который с Чкаловым летал, он меня даже ирисками угощал. Он говорил: «У нас даже соревнование есть – кто больше в рот ирисок запихнет». Говорит: «У меня вот три штучки есть, на, ты можешь?» Я говорил: «Три поместятся». Мне было уже тогда 6-7 лет, что-то соображал. А когда забрали моих родителей, я как-то вдруг повзрослел, честное слово, я как-то ко всему по-другому стал относиться, я был взрослее своих лет. Мне, когда отца забрали, 7 лет еще не исполнилось, его в апреле забрали, мне в августе только 7 лет исполнилось, я как-то по-другому на все смотрел. Я сначала так переживал ужасно. Даже мамаша здесь в письмах вот пишет, что я переживал. Я так не показывал вида, но ужасно неприятно было. А в ноябре приехала же машина грузовая и все конфисковали, все вывезли. Оставили стол, стулья и железную кровать. Все, все вывезли. 800 рублей потом отцу дали.

В. В 50-х, да?

О. Нет, ему перед войной дали почему-то.

В. В связи со снятием судимости?

О. Наверно. И комнату вернули. Раньше, с прекращением дела. Еще судимость, еще мне напоминали даже, что у твоего отца была судимость. И просто было написано: за прекращением дела. Это потом в 56-м году начали писать: реабилитирован. А раньше у

него какая-то была бумажка, наверно он отдал ее, паспорт когда получал, что с прекращением дела был освобожден. И сразу послали его аэродром строить.

В. А вообще дома говорили... отец партийный?

О. Нет.

В. И никто никогда не собирался в семье в партию?

О. Нет.

В. Это принципиальная была установка.

О. Нет, не знаю.

В. А обсуждалась вообще как бы жизнь в стране? Дома, разговоры взрослых?

О. Ну обсуждалось, но насчет партийности никогда, вступить или не вступить, разговоров не было.

В. Вообще, как вы вообще на это смотрели, верили, когда других брали? Обсуждали ли это?

О. Почему-то дед мой верил в какую-то справедливость, и вот, что Сталин есть. Вот он был... каким-то... вот верил... дед мой.

В. И в Сталина верили, что все правильно?

О. Но не все правильно. Что сына забрали и еще его друга забрали, тоже преподавателя, Петров такой был, и потом он в тюрьме умер. Его уже после войны забрали, или во время, еще при Сталине, не то в каком-то сорок... не то 50-го 50-го года. У него сын был... его... из школы, 18 лет было сыну его, попал в плен, работал в Германии, а потом его послали в Африку строить Ромелю... какие-то окопы рыть и все это... линию обороны. А потом он в школе хорошо немецкий знал, по-немецки говорил. И сюда приехал оттуда, когда кончилась война, уже, он, по-моему, в 47-м или 46-м приехал сюда, когда обмен там был этих пленных. И один где-то встретил его, когда он там документы где-то, он тоже в их районе жил на Красносельской, и он узнал и на него донес, что он немцам помогал, потому что он по-немецки говорил. Он ничего не помогал. Ему просто говорили: «Переведите». Он переводил. Ну ему дали 10 лет. И потом, еще он не освободился, отца забрали, отец умер. Такой был интересный мужчина, потрясающий. Он всегда к нам приходил. Говорил: «Ты 100 грамм поставь мне на кухне». Я ставил. Он садился за стол. И дедушка. Тогда такие маленькие лафетнички, один, два... Он говорил: «Я все, больше не пью, пойду покурю на кухне». Выходил, выпивал и приходил уже веселый, потому что жена такая строгая была, она не знала, что он там выпивал.

В. И что, когда вот таких знакомых или своих брали, это просто меняло что-то в общем отношении к тому, что происходит, или это по отношению только к конкретным людям, а в общем-то все правильно?

О. Да нет, потому что очень много кругом было, что всех забирали, ужасно. У нас даже в доме ребят троих, фамилии забыл, они старше меня были... забыл. У нас три дома было, наш дом 3/5, дом 7 и дом 9. У нас Красный уголок был и приходили ребята, и шумовой оркестр устроили: гитара была, кларнет был и аккордеон. Барабанов не было. И вот мы на трещетках... шум создавали. И вот они «Боже царя храни» сыграли и спели... Ребята, ну они старше, года на четыре меня старше были, их и забрали, так они и не вернулись. Потом мы спрашивали, соседние дворы, мы общались как-то, все говорят, что они все политические, всех забрали.

В. А отношение к политическим было какое?

О. Мы просто жалели и все. Думали, подумаешь спели, ну и что?

В. А к Сталину какое отношение?

О. У меня вообще, не знаю почему, или характер или еще что, для меня не существуют такие высокие. Что мне Сталин, что не Сталин. У меня даже конфликты на работе были, я не признавал... Зам.министра – я мог ему замечание сделать, все боялись, а я говорил, что вы неправильно делаете. Я даже на производстве когда был, говорил: «Давайте, чтоб к 8 ноября ...», я как-то месяц целый был на трассе, меня просто посадили диспетчером, со всех участков сводки сводил и вечером докладывал начальству, что столько-то сделано, и сам выезжал, проверял, а то иногда говорили: «Вырыли 5 километров», а оказывалось только километр вырыли трубопровода. Я газопроводы строил. И был такой Баталин, еще Госстроя председатель. Туда на вертолете прилетели, потом из Тюмени эта знать партийная, там обком, горком, все прилетели. Я сидел там тоже, потому что мне должны были по радио передать эти данные, и я сидел в вагончике, и они все собрались и начали - мат-перемат. Я сначала им сделал замечание, мол что это вы, вы лучше помогли бы нам материалами, не хватает, а вы все по-матерному, что вы все матом-то? Управляющему говорят: «Кто это у тебя тут сидит?». Он горит: «Ничего, ничего, ничего, ничего, не обращайтесь внимания. Он сейчас сводку принимает». Потом тоже что-то они еще сказали, я сделал замечание: «Вы что, вы, высокопоставленные люди, и вдруг это». Так же я относился ко всем правителям: к Сталину, к Ленину.

В. Ну, уважение, или нелюбовь, или любовь?

О. Ну какое-то чувство, ну не авторитеты такие уж, что вот что, ужасно. Высокие они чины, но надо и относиться соответственно к низшим людям, как-то по-человечески, а не быть таким: «Ты никто, букашка».

В. И в семье тоже не было этого культа?

О. Нет. Нет, нет. У нас никогда, никого не обсуждали.

В. А там всякие газеты, книги, все эти вот кампании?

О. А что, я ребенок 37-го года, потом война, сначала финская, тоже как-то почувствовали, потому что я даже уроки пропускал, занимал за хлебом очередь. Стоял, чтобы для семьи купить.

В. Вот даже в финскую уже были затруднения?

О. Конечно, да. Затруднения были с продуктами ужасные.

В. Как раз 39-й.

О. Да, 39-й - 40-й. Я помню даже уроки пропускал, чтобы хлеба купить.

В. А на что вы жили, если мама и папа сидели?

О. Дедушка работал, на двух-трех, преподавал. Он нас двоих содержал.

В. А сестра как-то ощущала? Скучала, все-таки она маленькая совсем была, когда забрали?

О. Ей двух лет еще не было. Я сам по себе был, как-то не обращал даже в то время на сестру внимания.

В. Хорошо, вот мама вернулась, у вас было с ней какое-то отчуждение, все-таки вы не виделись с ней три с половиной года?

О. Нет. Наоборот, рад был, что мама вернулась. Мама пошла работать. Тяжело было деду одному, он и так измотался.

В. А вторая бабушка и дедушка материально никак не помогали?

О. Кто? А там только бабушка была и тетя Нина. Как же, я у них жил, в воскресенье ездил. Раньше как-то больше общались. Какой-то праздник, значит куда-то едем в гости к кому-то, все собираемся, патефон заводим, я любил пластинки слушать. Всего Лещенко, того, Петра еще.

В. А где же вы его тогда брали-то, он ведь был тогда все-таки...

О. А это вот у дяди Васи. Что, Лещенко-то? Продавались пластинки на рынке. Перовский рынок, знаете, где был, где был Душинск, Горбатый мост, шоссе Энтузиастов. У меня даже были пластинки Лещенко, да и сейчас есть.

В. На ребрах?

О. Нет, не на ребрах, настоящие пластинки. А тогда белокордовские продавались пластинки, это рижская граммофонная фабрика. Вот белокордовские были пластинки. Лещенко, потом Сокольский <нрзб>, Морфесси хорошо пел, Козин.... До войны у меня еще приятель был, у него были знакомые в «Березке», и девочки всегда привозили... А у него был Козин, все-все, все эти записи, тогда у него два магнитофона было огромных, Днепр-3, такие стационарные, с глазком зелененьким. У него вся стена, у него 15 метров комната была, были стеллажи и кассеты стояли, бабины с этим... Чего там только не было. Я в первый раз там и Элвиса Пресли и все... у него первый раз все услышал. Вот они

привозили пластинки оттуда, им почему-то разрешали тогда набирать. Он переписывал. А они у него. Причем, некоторым нравилась очень Русланова, еще Вяльцева, такие старые певицы романсов, Тамара Церетели, еще там грузинки были.

В. Это уже послевоенные? 50-е...

О. Ну и довоенные: Шульженко, Козин, все эти были пластинки-то.

В. То есть он просто коллекционировал, фонотетчик, да? А сейчас тоже коллекционирует?

О. Он умер, Царство ему небесное. Он на год меня всего старше был, отец у него тоже в КГБ работал. Может, и отец ему приносил, но он нам никогда не говорил, какие пластинки.

В. Магнитофонщики, свой мир у них...

О. И он одно время даже спился. Вот приходишь к нему: «Володь, дай переписать». И, конечно, бутылочку достает. Потом он говорит: «Все, завязываю, больше я так не вытерплю, загнусь». Все время, как суббота, воскресенье, так до чертиков, все угощают и угощают.

В. А по основной специальности кто он был?

О. Он был инженером электронщиком. Он прекрасно говорил по-английски. Он по этим записям, английский язык... у него такое произношение было, он даже с истинными англичанами разговаривал. Они говорят: «Вы оттуда-то?. У него какой-то диалект такой был. Он по пластинкам все... Слушает и потом еще, чтобы перевести... Надо же, что это обозначает то-то и то-то. Ну иногда, что там написано по-английски и есть перевод, он говорил: «Нет, я переведу по новой, потому что некоторые переводы абсолютно не то, о чем там поют».

В. Понятно. Ну, хорошо, вернемся... Ну мама вернулась, она пошла работать...

О. Мама пошла работать в лабораторию на Кирова, 43 – бактериологическая лаборатория, там кровь проверяли, и на сифилис, и там всякие.

В. Образования специального у нее не было?

О. Она освоила и очень на хорошем счету была, работала там. А отец, вернулся... Ну она работала там. Война началась. А отец вернулся 21-го января и пошел работать. Вот его устроили... Так как он был аэродромщик, его приятель говорит: «Тебе может это ненавистное слово, НКВД, но это все к НКВД относится». Раньше все эти строительные: спецстрой МВД, аэродромы эти – все МВД, МВД, МВД... Он пошел в ГУАС НКВД СССР. И сразу его послали, я помню хорошо, в Сызрань... ну здесь вот, где Волга и за Волгой, и перед Волгой... Он строил аэродромы, здесь.

В. А война когда началась?

О. Война началась, он нас проводил в эвакуацию, в Тамбов.

В. А он был в Москве оставлен?

О. Пока что в Москве оставлен. Проводил, какое-то время с нами побыл, потом уехал.

В. А в Тамбов от работы эвакуировали?

О. Это от его, от ГУАС НКВД. Поселили нас в недостроенном доме с лесами, нужно было штукатурить, полы не были настланы. И каждую комнату заселили, целый караван машин.

В. Это осень была, лето?

О. Нет, это не лето уже было, осень. Сейчас скажу, когда мы уехали. Когда здесь заварушка-то, в октябре началась? Да, 16 октября. Ну мы уехали. Я как раз в школу не пошел и мы уехали. И уже пошел в школу в Тамбове.

В. А с 1 сентября просто школы не работали или это вы уехали?

О. Нет, работали. Мы уезжали. Уезжали, как раз собирались, что взять, что не взять, тоже ограниченно можно было взять, потому что на 3 семьи машину давали, надо было и самим сидеть в кузове и еще что-то брать.

В. А те, что за семьи? Случайные?..

О. А там муж с женой, тоже с отцовской работы, я не помню. Чего-то мы общались, ну я не помню... Две еще семьи были. Муж с женой, муж потом уехал, а ее только эвакуировали. И еще вторые были, пожилые люди, наверно родители. И мы втроем: мама, я и моя сестра.

В. Бабушка с дедушкой сказали, что тут?...

О. Бабушка с дедушкой сказали, что никуда не поедет. И не хотели никуда уезжать. «Мы будем здесь, сторожить дом».

В. А вообще, как вы услышали о войне? Помните?

О. Да, прекрасно помню. Мы собрались все, я сбегал в гастроном, как сейчас помню, купил 200 грамм любительской колбасы, 200 грамм сыра. Там что-то женщины готовили, а дедушка позвал меня и говорит: «Иди в палаточку, тебя там знают, четвертинку водки купи». Я побежал на Немецкий рынок, может, знаете, где раньше был Немецкий рынок, побежал, мне дали это, только в газетку завернули и сказали: «Смотри, никому не показывай». Чтоб маленькому мальчику, ну не маленькому, мне 11 почти что было лет, началась война, я уже соображал что-то. И вдруг на рынке, никогда радио не говорило, и вдруг начало говорить. Мы рано собрались, часов в 9 сели за стол, а я уже на рынок сбегал, и в гастроном, и вдруг объявляют: «Война». Я говорю: «Включайте радио». А у нас было выключено, такой круг... Включили и как раз сказали, что «Киев бомбили и

нам объявили, что началась война». Кончилось мирное время. Было ужасно. Отец говорит: «Надо позвонить на работу, может, меня сразу вызовут». По-моему, он никуда не звонил, дедушка говорит: «Да что ты будешь звонить, если нужно будет, твой телефон знают, тебе позвонят, чего ты нарываешься сам-то». Были все расстроены. Начали звонить всем: «Как, слышали?». Кого-то не было в Москве, кто-то на даче был.

В. Вы на фронт бежать не собирались?

О. Я нет. А мне куда? Меня угнали далеко, сначала в Тамбов, потом... О! там тоже как на войне было. Нас вывезли из Тамбова... Когда же это было? Интересно как, потому что я помню, снег выпал уже и я ловил полевых мышей банкой. Домой принес, такие красивые мышки, и они у меня дома все разбежались. Я марлей закрыл, а они как-то друг на дружку и из банки выскочили.

В. Поели ваши все запасы. А вы зачем ловили-то?

О. Да так, ради интереса.

В. А, а я думала, с голодухи.

О. Да нет. А с голодухи... Да, там тоже пропускал уроки, стоял... Такая была палатка там, там продавалась требуха, бараньи яйца, хвосты, печень... печень не продавалась, легкие. Все внутренности. И стояли в очереди, чтобы купить, потому что уже ничего невозможно было купить. Только крабы стояли, крабы везде стояли, но никто их не покупал почему-то. Настоящие, как они?...натка, что ли? Снатка? Чатка. Камчатка, значит. Сначала никто их не покупал, они стояли везде, даже у нас в гастрономе стояли. Потом только раскусили, потому что есть нечего было и начали хватать.

В. А голодать, конечно, сразу начали?

О. Сразу перебои, и за хлебом стояли.

В. Ну а вам карточки ведь какие-то выдавали? Или это уже потом?

О. Не знаю. Сначала какие-то талоны давали, когда мы, эвакуированные, приехали. Сначала нам какие-то талоны давали, на какое-то пропитание в каком-то магазине. Но там чегой-то такое немножко давали всего.

В. А мама работать пошла?

О. Мама нет, где там работать. Но мы там недолго были-то. Там немцы прилетели, там же пехотное вот это училище, Тамбовское. Они там бросили какую-то большую бомбу. Все говорили: тонную бомбу бросили. Там разнесло одну казарму. Мы туда бегали, но ничего не поняли, там все было оцеплено, никого туда не пускали. Мы так хорошо и не посмотрели, что там разбомбили. А через несколько дней нам сказали, что мы снимаемся и уезжаем. Организованно, уезжаете, в Саратов, в Энгельс. Там выселили немцев в Поволжье, там жилье освобождено, вы будете распределены».

В. Так прямо и сказали, по какой причине освободилось?

О. Да, да. Сказали, что там освободилось жилье, что там немцы Поволжья жили, их в Оренбуржье, куда-то туда <нрзб>. У нас был врач ветеринар... Потому что мы, когда приехали, там вроде терраски было, не терраска, а просто пристроечка к нашему дому... Но была пятистенка, там еще жили. И у нас здесь - печка здесь, маленькая кухонька, большая комната, потом ступенька с такими с колоннами резными и там еще комнатка метров 9, со ступенечкой, и вот это вот, как кладовка была, и сарай еще был, и печка, но печка плохо топилась. Сколько мы ни топили, у нас даже вода замерзала там. Там же морозы резко континентальные, там иногда очень холодно.

В. Но дрова получали?

О. Да, нам давали дрова, но это было мучение. Мы с мамашей моей... Это была пытка эти дрова. Нам давали какие-то старые поленья, не то тополя, не то черт-ти его знает, вот такого объема, вот такие толстые привозили, метра по три чушки, надо было их распилить. Никаких сил нет! Это зимой была пытка. Потом, там представитель с отцовской работы-то был, из НКВД... «Цыплята вам нужны?» - «Какие цыплята?» - «Маленькие. Хотите взять живых. Может, вырастите?» - «А чем кормить-то?» - «Ну сначала дадим, а потом как хотите». Ну мы взяли 10 штук, 4 сдохло, а 6 у нас выросли маленьких петушков. Я потом... топора не было, колун был... Мама говорит: «Ну давай уж... давай уж съедим сегодня вот этого». Так вот по праздникам по каким-то, по каким-то дням таким...

В. Не жалко было?

О. Да нет, чего жалко, есть хочется.

В. Вы сами и забивали?

О. Да, сам, конечно. Общиплю, принесу, сварим супчик хороший, вкусный. Ну вот так вот жили. Хлеб тоже... Там уже карточки нам дали. Ну там не хлеб был, там на немецкий лад: кух - большой, толстый, белый-белый, поджаристый, как бисквит. Кух назывался.

В. Вам целый батон выдавали?

О. Нет, ну такой кусок там отрежут. Но привозили такими большими... Как вот противень наверное есть. Ну они, может быть, разрежали на 4 части, я уже забыл какая норма была, по 400 грамм что ли. Кило 200.

В. Там вы все считались иждивенцы?

О. Да.

В. А мама потом пошла работать?

О. Там нет.

В. А вот где вы в госпитале?

О. Ну там предложили. И что-то такое нам давали... Сметану. Я иногда сидел и полдня взбивал, взбивал, взбивал, хорошая такая сметана была. И такой горшок масла сливочного, такое вкусное, вкусное, маслом пахло. Как он брыжжет, молозиво там еще осталось. Вкусное, настоящее масло сливочное. Сейчас какие-то растительные добавляют и муссируют, мути разной.

В. А это так вы просто при госпитале, была такая...

О. У них денег, наверное, не было, а там при госпитале было подсобное хозяйство, вот в эти госпитали, наверное, привозили эту сметану.

В. Они вас брали, потому что там мама работала? Просто временно?

О. И меня зачислили, как я помогал все время. Двоих, троих зачисляли. Ну маленьких совсем не зачисляли, ну меня зачислили.

В. А Наташе было уже лет семь...

О. Ну как?

В. Ну смотрите, она года с 35-го...

О. Да, с 35 года... Но она в школу там не ходила. Я ходил в школу все время. Я все время ходил в школу. И там прервался, приехал в Энгельс, опять же ходил в школу, в школу № 3. Энгельскую.

В. А там что за народ был в школе?

О. В школе? Нормальный народ был.

В. В основном эвакуированные или местные?

О. И местные, и эвакуированные были.

Даже на нас налетали. Мы ложились, нас пулеметами поливали, немцы. Когда Сталинградская битва, они все хотели... Знаете, говорят, со Средней Азией это единственный мост, который связывал Саратов, Энгельс и туда на Восток, и здесь мост был. А на берегу, это надо же так построить!.. А на берегу справа были металлические резервуары нефтяные.

В. Если что <нрзб>, так все сразу.

О. Да, все сразу. Но они так ни разу и не попали в этот мост, сколько ни бомбили. И у нас на брющем полете ночью летали, стреляли, бомбы бросали. Там здорово.... И на аэродром этот тоже хотели. А мы там близко от него жили, совсем, в этой стороне, как раз дорога на аэродром шла.

В. Отец приезжал к вам? Какая-то связь была?

О. Нет, туда никто не приезжал.

В. Только завез вас и все?

О. Да. Это мы в Энгельс уже сами ехали.

В. А переписка была?

О. Что-то такое получали. Какие-то представители были, которые были от ГУАС, что нас опекали немножко, но почти ничем не помогали. Что-то такое помню на Новый год, с 42 на 43-й, чего-то дали, какие-то продукты, какие-то консервы дали... А, помню, банку американской тушонки дали и чего-то еще. Чего-то еще дали, не помню.

В. А елки не устраивали?

О. Нет, там елки не устраивали, я не присутствовал. Но я все равно елочку одну утащил. Там елок нет, там наряжают сосну. Там сосны, красивые такие сосны.

В. Традиция есть, просто дерево другое?

О. Да, дерево другое. Ну что-то там устраивали. Нет, я не был. Там что-то для маленьких. Вот мою сестру мама водила на Елку, а меня уже нет, не водили.

В. То есть вы в Москве только ходили с тетей?

О. Да. Больше не водили. Я взрослый был. Уже надо было дрова пилить и чего-нибудь еще делать, хозяйством заниматься. Вот дрова пилил. Летом...

Конец стороны «А» 2-й кассеты

Сторона «Б» 2-й кассеты

О. Я не помню, когда мы из Тамбова уехали, но был уже снег, может в ноябре, может в декабре.

В. То есть вы там совсем чуть-чуть были?

О. Да, да, совсем немножко были. И в Энгельс поехали. В Энгельсе мы год были.

В. 42-й, половина 43-го...

О. Не в 43-м, мы в апреле в 43-м году, уже вернулись в Москву.

В. Вы разрешение получили?

О. Разрешение нам пришло, письмо разрешительное, что нам разрешают вернуться. Это отцу дали. Но отец мой не военным был-то. Понимаете? Но он все время в прифронтовых войсках был, эти аэродромы строил.

В. А вот эту историю повторите, как его заарестовали, и случай спас.

О. Он был на Кавказе. У него даже медаль есть «За оборону Кавказа», ему там дали. Он там строил аэродромы и здесь, под Москвой. И почему-то ничего не сказано в его списке, что он был и в Запорожье... Когда наши отступали, он шел сзади. Самолеты улетали назад. Назад,назад, чтобы их там... А когда наши начали наступать, он прямо за передовыми шел. Ну вот такой вот случай был... Не за немцами, а за нашими

наступающими войсками шел. Они занимают что-нибудь, он сразу туда въезжает. Ну не в каждый полк, конечно... А сказали - вот там-то надо построить, он едет туда.

В. А вы сказали, что он народ набирал, когда еще немцы не успели уйти.

О. Ну немцы опять отбили, наших отбросили, так получилось. Рассказать? Хорошо. Отца моего вдруг... Он был на фронте, должен был строить какой-то прифронтовой аэродром, шел за передовыми войсками. Сказали, что за этим селом или городок маленький, это я не помню, он говорил, что нужно восстановить аэродром земляной для перебазировки нашей штурмовой авиации. И он с шофером, у него была в распоряжении полуторка... Знаете, что такое полуторка? Машинка. Был автомат, патроны были, и он двинулся. Наши только отбили, он туда уже въехал, связался с местными, местные какие-то власти сразу въезжали туда же, чтоб организовать, значит... Это какой-то городок был маленький, где случай этот произошел. Связался, чтобы как-то организовать сбор народа, чтобы расчистили в районе таком-то площадку такого-то размера, чтобы могли сесть штурмовики. Ну и случилось так, что въехал в городок, а немцы опять наступили и половину его заняли. Он видит, что немцы-то кругом, поехал опять к нам на машине на этой, его Смерш и схватил, наши передовые войска, и в каталажку. И шофера, и его. Проверили документы и говорят: «Хорошо подделаны, здорово, не придерешься никак, только экспертиза может определить, так на вид все подлинно, даже подпись. Мы знаем эту подпись». Там зам.министра подписал это удостоверение. И посадили и говорят: «Ну что, не признаешься, что ты шпион, немцами послан? Все. Утром к стенке. Не будем ничего выпытывать. Потому что мы тебя поймали, ты еще не углубился к нам в наши тылы, чтобы навредить нам». И вдруг туда приезжает генерал, генерал-майор. И спрашивает: «Что у вас здесь?» Да вот, говорят, одного поймали. «Давайте, ведите его ко мне». – «Я вхожу и замер». Он встает и говорит: «Мишка, это ты? Как ты сюда попал?» Говорит, объяснил ему, что удостоверение у товарищей «Посмотри мое удостоверение». Он говорит, «Все, все, вы свободны». Вот так меня спасли от смерти верной.

В. И кто он оказался?

О. Этот генерал, он жил в нашем же доме на улице Фридриха Энгельса, дом 3/5 на 3-м этаже, по-моему, квартира 25 или 24, не помню сейчас. Голубев такой был, он в КГБ, или тогда НКВД тоже был, в НКВД тоже служил. А меня дразнили, у него дочка была Верочка, меня «жених и невеста» дразнили. Она такая любопытная девочка была, всегда ко мне приходила, книжки...А у меня была книжка интересная, мне дедушка Саша, мамин папа, подарил. «Павел и Вергиния» книжка была такая толстая и с такими иллюстрациями, потрясающими, гравюрами, все здорово сделано. Такой текст... Там

виньеточки были сделаны, я потом их перерисовывал, если кому поздравления писал. Так вот во время войны кто-то у нас ее спер. Такая красивая, хорошая книжка.

В. А вот та Библия тоже пропала?

О. Библия да, но это не моя была, это я у бабушек брал в Омутышах, мне давали. Можно было... Мне, честное слово, подарили бы, но как-то мне жалко было их, я как-то не додумался, жалко мне было обижать этих бабушек. Я говорю: «Вы читаете?» - «Да нет, какое читаем...». Она в кожаном переплете, в старом издании, такая хорошая.

В. А эти Голубевы вообще кто были?

О. Это муж и жена, и вот у них дочка. Потом они куда-то уехали из Москвы, вот как война началась, они куда-то уехали.

В. А он в генералы подался.

О. А он в генералы... Но он и был военный. Но я не знаю... Они потом куда-то уехали и больше не возвращались в эту квартиру. Там потом другие после войны стали жить. У нас три этажа же потом надстроили. У нас там «Торпедо»... Это же 45-й завод авиационный строил, надстраивал наш дом. Там Севидов жил, футболист знаменитый, который... сын его в «Спартаке» – Юрий. И Олег у него был, бегали у нас во дворе. Масанов такой был, Егоров. Егоров был первый тренер нашей команды в хоккей. Егоров, такой небольшого роста.

В. Вместо еврейского цирка у вас футболисты...

О. Нет. Нет. Они когда приехали, они были в Средней Азии в эвакуации... Господи, ни Соньку... я никого не узнавал, какие-то скелеты ходят. Они были такие все полные, представительные. Соня такая красавица высокая была, у нее женихи такие - все время на машинах приезжали на шикарных. Мы всегда смотрели, что это за машины. И такие худые... Потом опять начали набирать, округляться. А то приехали какие-то. Она говорит: «Олег, что ты не узнаешь нас?» Я говорю: «Узнаю». Это они уже начали в 44-м году, наверное, приезжать.

В. И отец где-то до 44-го был на фронте?

О. А отец был до 44-го года, потому что такие у него войска-то были И ГУАС НКВД СССР поручили строительство кречен-завода в Гурьеве, Казахстан. Ну тогда это Россия была, ну не Россия, а СССР. И его отозвали, и... Там многих отозвали, фотографии даже есть, вот этих мужичков, часть я знаю фамилии, часть не знаю.

В. Но вы с ним уже не поехали?

О. Нет, он один поехал. Но я потом в 44-м году туда поехал с ним. Поехал. Он говорит: «Немножко хоть откормим тебя». Откормить чтоб меня, я такой худющий был, шатался. Но я никогда полным не был, но все-таки подкрепить. Я помню у него стояла

деревянная бочка с паюсной икрой и хлеб такой солдатский, ноздрястый, принесли. Сначала я ел, а потом на икру уже не смотрел. Ну так окреп за лето. Там очень хорошо. Хорошо. Степь кругом, перекасти-поле, каракулеводческий совхоз. Как-то ездили в выходной день, как-то ездили... А там были неблагонадежные рабочие: финны, старообрядцы, болгары и наши, такие полуголовые какие-то, 500 или 600 человек было. Отца поставили... Это он не в самом Гурьеве был. А его отозвали... Каменный карьер был, для этого... всей стройки огромной, крекен-завод там, перегонный, нефтяной, он бутовый камень заготавливал. Там был один начальник, тот чего-то не справлялся, и вот отца назначили. И на платформах грузили, и в Гурьев отвозили, до Гурьева 500 километров. А это карьер. Он был там до конца войны. Потом приехал сюда. Нет, еще даже война кончилась, он еще там был. Но он в 45-м году приехал, или в конце года вернулся.

В. А вы тем временем... а вы в году 48-м школу закончили?

О. И пошел... Хотел в архитектурный институт поступить. Или я путаю, там был ректор Кузнецов, если мне память не изменяет, или я путаю с Губкинским институтом, там тоже какая-то похожая фамилия...ну неважно. Ну я пошел туда... Я рисунок сдал, рисунок сдал на первом экзамене, надо было геометрические фигуры нарисовать, со светотенью, карандашом, и лепной бюст какого-то Бога. Я нарисовал, все хорошо. И вдруг он меня вызывает и говорит: «Скажите пожалуйста, молодой человек, а... вы...» Нет, он мне не так сказал: «Вы Воробьев?» Я говорю: «Да». – «А Михаил Николаевич Воробьев это ваш отец?». Я говорю: «Да». – «Он был репрессирован?» Нет он не репрессирован сказал, - «Он был в лагерях?». Такого слова «репрессирован» не было. Я говорю: «Да, и мама была». Он говорит: «Вы знаете, вот я очень сожалею, но я вас не могу принять. У нас такой режимный институт?». Я говорю: «А что это за режим, дома строите что ли?» Он говорит: «Есть подоснова, на чем строят, это все засекречено. Отметки высотные, это все, оказывается, находятся у нас в СССР, только все секретно. И я вас принять не могу». И я пошел в техникум архитектурно-строительный. Хорошо сдал и меня сразу приняли. Еще он находился в Куйбышевском институте на Разгуляе, я там начал учиться.

В. С мамой рядом.

О. Рядом. Как хорошо...

В. А обидно было? Вообще, было против него желание оспорить, протеста?

О. Нет. У меня был Боссэ приятель, моего приятеля приятель, он в Плетешковском переулке жил, у них такой... Правда, французы были. Мама такая, с букольками: (изображает): «Олег, ты не так держишь вилку. Как я всегда расстраиваюсь, ну что ты так неопрятно одет». Такая жеманная женщина была. И у него тоже отец был репрессирован.

Он хотел в МГУ на философский факультет. Ему тоже говорят: «Нет». Мы в один год поступали, но это еще Сталин был жив.

В. А сестра ваша... она уже поступала, когда...

О. Сестра поступала в МГУ, она химик у меня.

В. Она уже после смерти Сталина училась?

О. Да, наверно, потому что я уже из армии пришел. Я пошел учиться, со второго курса всех, спецнабор то был из институтов, нас, слухачей, забрали всех...на три года, три года отслужил на Дальнем Востоке.

В. А вернулись сюда же, в техникум?

О. Да, конечно, надо же было доучиться, а то что же бросать-то на полпути. А техникум у нас был прекрасный, архитектурно-строительный. Это в Измайлово было. Когда я кончил его, я сначала пошел в проектный институт Госгорхимпроект, это около Перовского рынка. Там институт пластмасс есть за углом, где мы какие-то вечера вместе с ними, а они нам отравленные розы дарили, светящиеся, с фосфором. Они, правда, радиоактивные были, на самом деле, дарили на Новый год нам. Сначала меня послали, испытывали, как я смыслю или нет в строительстве, в вертикальной планировке. Это сейчас ничего не делают, поэтому у нас одни лужи. Каждый проект нужно делать в вертикальной планировке, уклоны рассчитать - тротуаров, проезжей части, чтобы все вокруг стекало, чтобы луж не было. Существуют нормы, и все это мы в проектах рассчитывали. Как квартал мне дают, я должен все рассчитать: и прилегающие, чтобы туда не втекало, и чтобы все вытекало. Вот я этим занимался. Потом меня взяли в архитектурный отдел, планировочный отдел. Я там спроектировал квартал в Барнауле для химзавода какого-то и еще там по мелочи разное. Потом я говорю: «Ну когда же мне хоть деньжонок-то побольше...?» Что я, 900 рублей я получал. Пришли из архитектурного института как раз молодые ребята, они столько же, сколько и я получали, хоть я был техником. Потом мне все-таки сделали 100 рублей, на 10 рублей, и И.О. инженера сделали. Я быстро очень чертил, и все качественно. А как расценивали? Расценивали насыщенность листа, нормировщик приходил и все смотрел: насыщенность листа, разрезы как сделаны, как узлы сделаны разные, крыши, ну узлы строительные, как там стыки. Это все надо было начертить. И в таком проекте, и в таком.

В. А зарплата была сдельная?

О. Сдельщина. Я мог заработать только 200 рублей. 100 и 100. 200 рублей только мог заработать. Только два мог оклада заработать. Кто на сдельщине был, у кого техники были такие, там 60 рублей, я уже забыл 60 или 600 я получал.

В. Это до 62-го или после?

О. Это, конечно, до 60-го. Значит 600 рублей, я все перепутал. Они могли тысячу двести, 120 рублей. Я мог 200 рублей, больше я не мог заработать. Если у меня было хорошо сделано, это переходило в следующие нарядки. И так, когда я уходил оттуда, так у меня все переходило и переходило, и так мне и не выплатили, что у меня переходило. Так похерили все мои деньги.

В. А ушли вы в общем не из-за этого в основном?

О. Да. Ушел из-за того, что никакого нету роста, проектировать. Ну там архитекторы тоже зарабатывали 160 рублей и все, и все. Никакого роста, никаких премий, ничего. Чистая работа и все. Но вообще очень весело было. Молодежь. Мы такие вечера устраивали. Все время в походы ходили, ездили по всему Подмоскovie с рюкзаками, с палатками, каждую субботу и воскресенье, и если не было субботы, только воскресенье были выходные, то все равно ездили. В субботу вечером собирались и уезжали на ночь. Там где-нибудь ночевали. Все время.

Я там поработал, потом Ика, сестра говорит: «У нас в тресте требуется, никто не умеет чертить. Нужно чертежи самим делать». Я говорю: «А сколько там?» - «Сначала 130 рублей...Нет, сначала 140». И говорит еще, там еще Спецстрой МВД СССР был. Это почему, ставки там были? Потому что этот трест Мосгазпромстрой, в котором я работал, это было Саратов-Москва строительства, а строило НКВД этот газопровод.

В. Ну куда вам не уйти от него...

О. Да, Да. А трест вышел из этого... из управления строительства Саратов-Москва. И там вот эти надбавочки были. Но там никакого уже НКВД не было, ничего, но надбавочки эти все сохраняли втихаря. А потом все-таки нас раскопали и все надбавочки с нас сняли. Мы немножко воспользовались. Ну, там что было хорошо, что я в этом тресте работал? Там объект сдается, небольшой – всему коллективу премия. Начальству побольше. Но все – приварок какой-то. Там хороший объект сдали, я мог купить жене телевизор. Купил. Черно-белый. Потом пылесос купил немецкий с премии.

В. Но специальность пришлось менять все-таки?

О. Конечно. Нет, ну все равно, я сначала занимался сметами, временные сооружения. Потом там старички начали заниматься, а меня послали, я сам проектировал эти временные сооружения... Раньше то не было такого, чтобы мы приезжали, и сейчас вагончики поставили и с заводов привезли. Раньше все сами делали. <не по теме> И я проектировал временные сооружения. Вот приехали... Раньше... Это потом вагончики стали такие передвижные. А раньше строили вроде бараков, там жили рабочие. Строили бетономешалки, деревообделочный цех какой-то.

В. В это время это как бы ваша основная специальность была?

О. Да. Потом сварочный стенд, надо было навесы делать, как трубы разложить. Я этим занимался. Потом меня перебросили, тоже, не проектировка, а... какие-то неувязки были - приезжали из проектного института, долго очень возились, возились, меня послали. Говорят: «Ты соображаешь что-нибудь?» Я говорю: «Не знаю». Меня в Курск послали на компрессорную станцию. Там никак не подходили эти вставлять компрессоры, газотурбинные. Что-то не так сделали. Как сделать? Я рассказал как сделать, что-то понимал. Нас учили в техникуме. Я не хуже инженера, кто кончил Куйбышевский институт разбирался, у нас там прекрасные преподаватели были и все, кто оттуда ни вышел, все очень хорошо устроены были... и всех ценили, даже кто техникум кончал. Вот этим занимался. Я там многим занимался.

В. Это я к тому, что вы все равно... другое образование получали.

О. А потом мне в тресте сказали, что надо тебе поучиться немножко, чтобы ты профессионально разговаривал хоть на нашем языке-то, сварку понимал, изоляцию понимал. Ну это почти я без отрыва от производства, так как у меня техникум был. Два года я туда ходил, меня только пичкали специальностями... Это такие специальные курсы были, не хватало специалистов и меня туда послали. Потом еще, меня уже не посылали, у нас были такие ребята, которые тоже к нам приходили в трест, потом уже начали молодежь подбирать, потому что у нас такие старые-старые все были сметчики, лет по 70. У нас я самый молодой был, а средний возраст был 68 лет. Вот такой трест был. Но были все такие специалисты-то, дай Боже, они во всем сразу разбирались.

Одно время мы потом начали строить дома жилые в Люберцах, нам поручили дома жилые строить. Говорят: «Ты молодой, слушай, надо ходить». Я начал заниматься согласованием: пожарники, Стройконтроль, Санэпидстанция, руки, ноги... Ноя был... Но меня не контролировали, я мог отдохнуть. Я мог, когда хотел пойти на работу, когда туда, я был таким вольным. Но все делал, все исполнял. Но был посвободнее. Еще какая специальность у меня была.

Потом к нам начала поступать из Америки новая техника. «Вот ты займешься новой техникой» - управляющий говорил. Я говорю: «А что ее развинчивать, что ли...». «Да нет, ты бери наших управленческих механиков, пускай изучают и все, а ты там присматривай за ними, а то же напьются и ничего не будут делать». Я говорю: «Ну ладно». Их потом послали в Америку, я говорю: «А что же меня то не послали в Америку?» Сначала их послали осваивать это, им там все рассказали, как, а потом они приехали сюда и я должен за ними присматривать. Я говорю: «Надо было бы меня в Америку-то послать»... Я отработал до 90-го года. Там отработал в этом тресте 33 года, на многих должностях.

В. А как вы в «Мемориал» попали?

О. В «Мемориал»? Сейчас скажу. Ну отец же... В 85-м году у меня мама умерла. Она 4 года лежала разбитая параличом. 4 года. Отец все время работал, он уже работал в Среднем машиностроении... (тихий разговор между собой). Я про маму начал говорить. Что мама в 85-м году умерла. Отец за ней ухаживал. Она лежали, ничего не соображала уже, не разговаривала, ничего. Мне только раз удалось отца, он не хотел... Я в отпуск ушел... – «Иди в свое министерство Среднего машиностроения, бери путевку и уезжай куда-нибудь на 12 дней, хотя бы в дом отдыха, а то ты уже извелся». Я там свой отпуск с мамой жил, кормил, подмывал, таскал, отцу каждый день звонил: - «Все в порядке, не беспокойся. Все в порядке...». (долго молчит).

В. И после этого как раз... или...

О. И после этого у нас здесь организовалось... Из собеса, по- моему, позвонили, что здесь вот это...

В. Это уже год 88-й получается, или 89-й.

О. Да, наверно. Здесь организуется... Это отцу сначала сказали, не мне. Он сначала пошел туда на Петровку, где сейчас Волков-то, он сначала туда пошел, ему сказали, что там репрессированных собирают. Ну он пошел раз, и потом больше туда не ходил. Говорил, что там какая-то неразбериха, на собрании был, там говорит только спорят, я не хочу слушать это. И больше не ходил туда. А потом сказали, что и детей надо туда. Я тоже туда пошел, это в маленькой комнатке, двухкомнатной, где-то на первом этаже было. Потом говорят: «Еще «Мемориал» есть». Я пошел в «Мемориал».

В. Там как бы работать помогали?

О. Да, помогал, и списки разные составлял...

В. Потом дежурили.

О. Потом мне сказали: «Поработайте, все ушли сторожа-то». Меня попросили... Ну чего там... А потом мне еще доплачивали, что я занимался этой разборкой, до 3-х часов ночи, 4-х сидел. Много там перелопатил,

В. Письма эти остовские?..

О. Письма, документы, все. Кто к кому относится, кто там родственники, все это сортировал.

В. Это как бы случайно?

О. А мне Светлана говорит: «Вы не поможете нам?». И Ян еще подошел и говорит: «Помогите, посмотрите, вы это не сможете сделать?». Я говорю: «Что надо делать?» Вот это. «Сделаем». Что мне, все равно вечером, когда сидишь, неохота. Там то этот... придет Никита, до ночи сидит. Я говорю: «Хоть скажите, Вы уйдете или здесь остаетесь до утра?»

Я могу прилечь?» Он никогда не говорил. «Почему вы не можете сказать?» - «А я не знаю». Я говорю: «Ладно, я лягу, вы тогда меня разбудите». Иногда он меня разбудят, уже все, ну что там, часочек поспишь, только хуже еще, весь разбитый. Я там на диванчике в большой комнате спал. Это сейчас его выдвинули сюда в коридор. А то я там. Стелил, у меня подушечка была.

В. А А вот Сталин когда умер, вы помните <нрзб>

О. Конечно, я был в солдатах, в армии.

В. И как в армии это было?

О. В армии нам как то все равно было, абсолютно до фени. Честное слово. Только говорили: - ну теперь Берия придет, один грузин другого сменит. И все, больше никаких разговоров, что ой-ой, что будет.

В. Ни горя, ни радости?

О. Нет. Только когда демобилизовали нас, мы это испытали. Мы ехали...

В. Это в каком году было?

О. В 53 году в декабре месяце я «освободился» из армии. И по дороге, около Байкала грабили поезда уголовники. Тогда амнистия была. Всех бандитов выпустили. Политических никого не выпустили, только бандитов. И на наш вагон как раз напали. Хорошо, нас 17 человек было, демобилизованных, все москвичи ехали.

В. То есть отбились просто?..

О. Мы говорим: «Ну-ка отсюда, а то сейчас всех угробим». А там этот подъем, как он называется... Крестовский... там прицепляют еще сзади, толкает паровоз, потому что один не втаскивает это, трудно очень, и он замедляет. И вот, надо же, они где-то в лесу... И прямо влетали в вагоны, и оттуда вещи, все, выбрасывали. И люди ничего не могли делать. Что они сделают-то? Когда они с заточками, с ножами. У них даже у некоторых были ружья. У бандитов этих.

В. А вот вы отбились?

О. Да. На наш ваго тоже, напали.

В. Ну это в одном месте только было? Да?

О. Да. В одном месте. А потом, когда ехали, мы наблюдали, что палатки на этих привокзальных... - раньше там продавали булочки, что-нибудь еще. Все, словно разбитые. Выпивку искали.

В. Долго это длилось?

О. Я не знаю. Я проехал и в Москву приехал. Но все равно, я сколько? 8 суток ехал. Раньше так поезд шел.

В. А уже по Средней Сибири, по Европейской, уже этого не было?

О. Нет, не было. Не видали, не видали ничего. Только там.

В. А здесь, дома, рассказывали они как... к сталинской смерти..?

О. Как?... Дедушка с бабушкой... Дедушка как-то сожалел... Ну в общем как-то так, удрученным был. Ну он мне потом рассказывал: «Я как-то сначала не мог никак примириться с этим, что нету Сталина. Кто будет, я не в ведении был».

В. Несмотря на то, что арестовали сына?

О. Да. Но он говорил, что это Берия виноват, а не Сталин. Берия. Такой он, говорит, карьерист. «Я знаю, говорил этих, грузин-то этих...» Он же в Грузии родился-то. Менгрелы. «Я, говорил, знаю этих. Они такие жестокие люди, нехорошие». Нехорошие менгрелы... Он же в Кутаиси был. Он хоть и русский, но знает все порядки.

В. А остальные как-то...А отец? А родители?

О. А отец говорил: «Слава Богу, слава Богу... Господи, еще один палач ушел».

В. А до посадки тоже так?

О. До посадки он в работе был, он как то на правительство не обращал внимания никакого.

В. А мама? Тоже как бы никак?

О. Да. Меня здесь не было. Я не знаю как они реагировали, но я знаю, что моя сестра пошла на похороны его. Как раз на Трубную она попала, чуть ее ..., ее солдаты на забор вытащили и говорят: «Ступай домой, ты что, хочешь умереть что ли здесь?» Там столько затоптало. Как раз сверху, где раньше трамвай ходил. Сюда. Вот она там попала. Ее на стенку, где Собор-то какой-тона углу, туда ее затащили.

В. Петровский <собор>А она пошла, потому что его хоронить, или из любопытства?

О. Не знаю, из любопытства. Она там еще с такими, с девочками еще пошла.

В. Не из жарких чувств?

О. Ну это я не знаю. Это ее надо спросить.

В. А вот вы говорили, что у ее мужа родители тоже были репрессированные?

О. Я не знаю. Он снимки делал. Я там вам дал снимки... (отошел, показывает фотографии). Это вот я снимал, а это вот он снимал. В Большом театре: Сталин, Шкирятов, Микоян, это жена Ворошилова, или вот она... как ее... Жемчужина.

В. А он кто был?

О. Он был фотограф.

В. Кто, муж? или отец мужа?

О. Отец мужа. Мисюлевич.

В. Он был репрессирован?

О. Я не знаю, я не знаю. Не знаю, Это у Натальи надо спросить. А это уже переснято, это мне дали... Там был подлинник, такая большая.

В. А там, это где?

О. А я отдал... пожертвовал в музей подлинник этой фотографии.

В. Мисюлевич?

О. Мисюлевич. Мисюля. А кто он был...

В. А когда вы женились?

О. Я? В 60-м году. 30 лет мне было. А жене 25... Когда я стал в тресте работать, не в этой проектной организации, где там на трусы не хватало даже.

В. И у вас одна дочка?

О. Одна дочка. 66-го года она. 6 лет у нас детей не было, мы в свое удовольствие пожили. Ездили везде, ходили везде, на выставки, в театры, летом выезжали куда-то, в походы ходили с ней, целыми компаниями.

В. В какие-то дальние?

О. Да нет, не очень. Ну вот куда-нибудь за Икшу. Под Москвой. Московская область.

В. Про друга Валентина, с которым вы на фото. (речь идет о фотографии, которая была с родителями в заключении). В двух тюрьмах каких была фотография? И у мамы, и у папы?

О. Да. В Норильске была, и у мамы в Темниках. Это мой приятель. А мама его была администратором в первом детском кинотеатре. Вы знаете, где первый детский кинотеатр? Где сейчас Театр эстрады, в Доме на Набережной. Это был первый детский кинотеатр. И я с Валентином ходил все время. Потом...

В. А фамилия его?

О. Шимановский.

Конец стороны «Б» 2 кассеты

Кассета 3-я, сторона «А»

О. Ну я не знал его адреса. Так мы ходили в этот кинотеатр. В первый детский. Мама там нас... какие-нибудь новые фильмы... она нас приглашала и мы ходили туда, смотрели. Там для высокопоставленных детей, не всех туда пускали.

В. В Доме на Набережной. А еще знаете, поподробнее, если можно, еще кусочек про Соловки и про Норильск. Какие-то подробности.

О. Что отец рассказывал? Сейчас посмотрю, чтоб точным быть.

В. Нет, а вот так вот...

О. Ну вот так... Ну, может, что-нибудь я упустил. Я могу не читать, а просто смотреть. Отец ехал несколько суток. А куда его везли, сначала они ничего не понимали... «Ехали мы около суток, а куда – мы не знали. В маленькое зарешетчатое окошечко мы читали названия некоторых неизвестных нам станций. Через полтора суток нас отцепили и начали таскать наш вагон по путям неизвестной нам станции». Это уже, когда он из Москвы, из Бутырок, туда на пересылку, и на Ярославский вокзал. Оттуда. «Наконец мы остановились и долго стояли. Затем последовала команда: «Выходи по одному с вещами». Выйдя из вагона, садились прямо на землю, оглядываясь кругом, я не сразу увидел, что мы сидим на причале, около которого был пришвартован большой пароход под названием «СЛОН» - Соловецкий лагерь особого назначения. Сколько нас было, не помню, 30, 40, 50 человек. После команды: «Встать» и предупреждения: «Шаг вправо или шаг влево будет считаться побегом и конвойный будет стрелять без предупреждения». Никто о побеге и не думал, и мы пошли к пароходу «СЛОН».

Там нас принял конвой Соловецкой тюрьмы. Соловки стали уже не Соловецким лагерем, а тюрьмой.» (Вот в это время, когда он туда...) «Нас всех запихнули в трюм, где оказалось много заключенных, не москвичей. Было человек 10-15 грузин, несколько железнодорожников, с которыми я познакомился, и от которых узнал все о Нине, это из Тбилиси, и тете Марусе Емчиновой. Нина - двоюродная сестра его, а тете Маруся ее мать. Нина была арестована, но вскоре освобождена». Она на железной дороге в Тбилиси работала. Вот слух то-то распространяется. Даже там. «Через пару часов мы причалили уже к Соловецкому причалу. К этому причалу я, мама и папа сходили по сходам парохода «Соловецкий». Это было летом 1913-го года». Представляете, как интересно. «Против причала стояло двухэтажное здание, которое было в 13-м году монастырской гостиницей, где мы прожили две недели». Ну это лирическое отступление. «Мы вылезли по команде из трюма и опять под конвоем нас повели на территорию бывшего монастыря. Первым делом нас загнали в холодную баню, расположенную в одной из башен, затем отобрали все личные вещи и одежду, взамен дали нижнее бязевое белье, темно-зеленые брюки с коричневой шлеей, как у генералов и кавалеристов, рубашку такого же цвета, но воротник и манжеты коричневые; дали бушлат того же цвета, но воротник и обшлага тоже коричневые, затем фуражку с коричневым козырьком. На мойку дали не более 10 минут. В этой бане можно было замерзнуть. Далее повели и посадили в камеру. Кто сидел со мной в это время, я не помню. Сколько я просидел в соловецком Кремле, не могу вспомнить.

В один из дней нас вызвали по фамилии, посадили в полуторку, велели лечь. Прикрыли листами фанеры и куда-то повезли. Везли недолго. Как оказалось, нас привезли

на остров Муксалма, где раньше был скит, который был соединен с основным островом каменной дамбой. Двухэтажное здание было перестроено. Кельи стали камерами. Вокруг здания глухой забор с... предзонником, огражденный колючей проволокой. На огороженной территории прогулочный дворик 15 на 15 метров. На всех углах караульные вышки. Меня поместили в камеру первого этажа рядом с уборной, старые толчки и выгребная яма. Состав камеры был такой: я, два грузина, один Женишвили, Чевишвили, по-русски Кузнецов», отец немножко понимал по-грузински, - «Фамилию второго забыл; Геллер – работник ВСНХ, Вялов, не помню, где он работал, но до революции он работал конторщиком, то ли у Морозова, то ли у Рябушинского, затем, майор Волченков – служил на полигоне во Владимирской области, два студента из Казани – татары и еще один, которого нам добавили, фамилии не помню. Режим: подъем в 6 часов, оправка, 6.37, завтрак – 8 часов, обед – 14 часов, ужин – 18.00, прогулка – 15-20 минут до обеда. Одно письмо в месяц, деньги – 50 рублей в месяц, лавочка, не помню, один или два раза в месяц. Если у тебя есть, конечно, на счете деньги. Описание острова Муксалма и фотография здания нашей тюрьмы есть в книге «Звенья». Это я ему принес, отец чертил.

«В тюрьме Муксалме меня посадили в карцер за то, что сидел у окна и слушал. В один из дней нахождения в тюрьме нас перевезли опять в Кремль в зону монастыря и поселили в новые камеры, только что переделанные из бывших монастырских келий. И так в новой гостинице продолжалась наша жизнь. Надо сказать, что на Муксалме и в Кремле медицинская помощь оказывалась символически, лечить не лечили, лекарств не давали, но один раз Вялова взяли в больницу на две недели... В один из теплых летних дней нас всех выпустили в монастырский двор. Цвет лица у всех был желто-зеленый. Которых разлучили раньше в тюрьме, не узнавали друг друга. Так все изменились в лице». Там ведь темнотища в этих кельях-то, наверно. «Через пару дней нас вывели из монастыря. Ограда стен монастыря была сложена из камней весом в несколько тонн каждый. Образец сейчас лежит на Лубянской площади, но малого размера. И повели вдоль морской кромки, расстояние 100-150 метров, на работу. Работа состояла из очистки большой площади от громадных камней. Предполагали здесь построить аэродром для посадки на землю самолетов. В Соловки летали только гидросамолеты, а земляного аэродрома не было». Это специалист говорит...

В. А построили 2 года назад...

О. (продолжает читать). «Водили нас под конвоем надзиратели, которые в руках оружия не имели, по-видимому наганы у них были в карманах. Они знали, что никто отсюда убежать не может.

Дней через 10-15, команда: «взять свои вещи и выходи в коридор». Опять строем с территории монастыря нас вывели группами, вели к пристани, сажали на баржи и плыли к далеко стоящему кораблю «Буденный», на котором мы поплыли по Северным морям до Дудинки. Это было лето 39 года».

В. То есть их водой...

О. Да. «В битком набитом трюме с нарами нас было более тысячи человек. Мы поплыли по такому маршруту: Белое море, Баренцево море, пролив Югорского, Новая земля, Карское море, затем Енисей, около 2500 километров, и Дудинка. Из Дудинки по узкоколейке...», - я там тоже ездил, был там. И в Дудинке, и в Норильске, мне показывали, где были лагеря, все там облазил... По работе был, я там газопровод строил. Говорю: «Дайте мне..., у меня здесь отец был». Там дали местного жителя, он меня возил, все показывал. Но сейчас там все снесли. Там сейчас уже нету... Там есть какой-то лагерь, один только, один. Но он там огорожен. А где отец строил, это все работает.

В. Он же аэродромы небось там строил?

О. Нет, это не аэродром. Я сейчас вам прочту, что он там строил.

«Из Дудинки по узкоколейке, под дождем, на открытых платформах повезли в Норильск. По прибытию в Норильск нас поместили на жилье в барак, и на следующий день направили на работу. Работа заключалась в колке льда ломами вокруг строящейся опытной обогатительной фабрики. Руки немели, мерзли, но нормы не было, сколько сделаешь. Все трудились одинаково, «сачков» не было, поэтому все получили одинаковую пайку». А если не выработаешь норму, пайку не давали. «Это продолжалось две недели. После этой двухнедельной работы меня вызвал начальник строительства и сказал: «Вы строитель?» Я ответил: «Да». – «Будете десятником на строительстве трех цехов». «Вот какие цеха это были: завершение строительства опытной обогатительной фабрики, высотой 35 метров, деревянная. (обогатительная фабрика). Строительство огломератной станции опытной фабрики и третье строительство электролитного цеха. Все сооружения были деревянными, но ставили их на сплошной бетон, плиту, так как там вечная мерзлота. Наша работа находилась в двух километрах от зоны, где мы ночевали, и водили нас туда с охраной. Группу в 250 человек охраняли 10 конвойных. Запомнил начальника конвоя, который каждый день орал на нас, что будет стрелять, если кто-нибудь выйдет из строя. И как-то раз выстрелил в воздух, а все 250 человек начали хохотать. Через некоторое время его от нас убрали». Тоже издевались над этим охранником - «Рабочие, человек 70, которые со мной работали, были солдатами, попавшие в финской войне в плен. Когда их освободили, то сказали, что всех посылают на Север, на строительство важных

промышленных объектов. А оказалось, что их загнали в лагерь и каждому дали по 10 лет заключения». Отец мой командовал ими оказывается.

«Из нашего лагеря, пока я там находился, никто не убежал, за исключением 15-ти человек уголовников, которые все погибли, замерзли, и только одному удалось добраться до Большой земли и скрыться. За хорошую работу и выполнение норм и сроков строительства мы получали дополнительное питание. Как-то, это была весна 40-го года, числа и месяца не помню, мы копали траншею. Пришел нарядчик и кричит: «Воробьев, вылезай, пошли в контору». По дороге он мне сказал: «Уезжаешь». На следующий день нас, 11 человек, посадили в вагон узкоколейки и повезли в Дудинку. Обратный путь из Норильска: Енисей, Карское море, Пролив Маточкин Шар, Новая Земля, Баренцево море... Плыли 7 суток. Далее на поезде, в обычном вагоне, до Архангельска. Плыли на пароходе «Ижора». Нас было 11 человек и 3 конвоира. У всех были отменены приговоры и должно состояться новое следствие (вот, почему так...), по решению Верховного Прокурора СССР. Плыли неплохо. В трюме были сплошные нары и пароход был загружен углем. Мы помогали команде перегружать уголь, а я пек ржаной хлеб. Женщина - повар и пекарь, она очень плохо переносила качку, заболела, которая обслуживала команду. За помощь команда парохода определила нас на полное довольствие, нам давали по ведру супа, нас кормили, давали папиросы». Вот лафа то наступила!

«В Архангельске в пешем порядке...»

В. Давайте просто так, не будем все прямо подробно читать, а вот...

О. ...это как он в Архангельске... Подождите, вы знаете, вот что я расскажу... Ну ладно, отвлечение такое, отступление. Вызвали всех их, когда заболела, и говорят: «Не может...Кто-нибудь хлеб умеет печь?» А отец, когда был у моей крестной, там же в Тихановой пустыни, он пошел туда, там сами... эта больница... для больных сама выпекала хлеб. И говорит, я смотрел, как там здорово пекли хлеб, такой он вкусный был... и я смотрел, и спрашивал, а как это... И говорит: «Давайте я буду печь». И он сказал: «Я умею печь», - и вышел из строя. И ему говорят, ну давай, пеки. И говорит, это что все с меня началось, что я пек и всех начали, 11 человек нас обслуживать. И суп приносили, и папиросы давали. И говорит, нам давали сахар. Мы, говорит, просыпались, не знали, кто давал, кто это из команды, приносили, и говорит, 11 человек, говорит и, наверное, килограмм сахара. Много, много, колотый такой... Знаете, раньше был колотый, и колотый сахар, у нас, говорил, лежал на нарах. Тоже сочувствовали, наверное, люди. А?

В. Конечно.

О. Ну вот. Когда они доплыли, их не туда повели, привели в какую-то другую тюрьму, а там пересыльный лагерь поляков, полный поляков.

В. Это у нас 40-й год?

О. Да, был 40-й год был. Да. «Через несколько часов повели нас через весь город в городскую тюрьму. Начальник конвоя разрешил идти по тротуару, и заходить в магазин, и посылать письма. В старой Архангельской тюрьме, возраст 150 лет, поместили в большую отдельную камеру. В тюремной лавочке не было ничего из продуктов, кроме винограда. Купили 6 килограмм и наелись вдоволь. Деньги были выданы нам на руки в Норильске». Значит, им что-нибудь такое платили немножко. «В Архангельске в тюрьме провели три дня, после чего поездом, в арестантском вагоне опять, нас повезли в Москву. Со мной был мой сидор со сменой белья, сухарями и соленой воблой. Опять в Москве. Июль 40-го года».

В. То есть значит пересмотр дела-то начался раньше?

О. Да, да. Вот в июле 40-го года.

В. Это они уже в Москве?

О. Да, в Москве. И продолжался до января 41-го года. Долго.

В. И где он там сидел?

О. (читает). «Пошел 4-й год тюремного заключения. Сначала привезли в «воронке» в распределительный пункт, находящийся около моста на Верхней Красносельской. Посадили в вагон, дали полбуханки хлеба и соленую воблу. Был так недалеко от родного дома. Через пару часов опять в таком же «комфортабельном лимузине» привезли на Лубянку. Посадили в «пенал», кабина, размером 70 на 70, с одной дверью. Я потребовал еды. Дали винегрет. Через какое-то время... в «пенале» только лампа за толстым стеклом в потолке и полная тишина... –«Выходи с вещами». Опять меня посадили в «воронок» и повезли. Привезли в Бутырки». Опять! «Раздели, обыск, посмотрели спереди, сзади, в рот, потом надзиратели повели, стуча по пряжке пояса своим большим ключом, чтобы не было по пути встречи с другими заключенными. И наконец поместили в камеру, где были все с отмененными приговорами. В камере на 30 человек было 30 человек. Каждый имел матрас, подушку и одеяло. А в 37-м году в такой камере было 273 человека. Потом шло следствие. Следователь Митрофанов был лейтенантом, по-видимому инженером-строителем. Спокойный, много расспрашивал о прошедшем моем бытие. Сколько раз он меня вызывал, не помню. Денежные переводы получал регулярно и мог покупать то, что было возможно в тюремной лавке. В камере было три человека, настоящих рецидивистов, воров. Один ночью украл у профессора Попова и пытался подложить мне под матрас. Воровали папиросы и еду. Но я проснулся и провокация не удалась. Рядом со мной спал начальник охраны города Москвы Перов». Пожарная охрана города, Перов тоже. «Утром я и еще один бывший метростровец, Гроховский, избили этого вора, за что были

посажены в карцер на 5 суток. Карцер был оригинальный, одно круглое сиденье, днем жарко, все проходящие по потолку трубы горячие, а ночью холодные, отопление выключали. Не спали, а сидели на круглом стуле, ножка железная, заделана в бетон пола. 5 ночей. Кормежка: 400 грамм хлеба и вдоволь воды.

В процессе следствия у меня спросили согласия на членов экспертной комиссии, которые должны были сказать: вредительские дома и печки были построены или нет. Я согласился на состав комиссии. 20 января 41-го года во второй половине меня вызвали с вещами и сидором и повезли в «воронке», но не в кабинах 50 на 50, а в общем фургоне. Привезли неизвестно куда, посадили в «пенал». Ждать пришлось долго. Я потребовал еды». Ну уж, порядки знал! «Надзиратель принес винегрет с селедкой и васаи. Через какое-то время меня вызвали без вещей и два дюжих надзирателя, крепко подхватив меня под руки, повели по лестнице вверх. Это была Лубянка, 14. Ввели в большой кабинет и за столом сидели: военный, с ромбом и орденом Красного Знамени. Это был начальник особого отдела НКВД Московского военного округа. Кроме него в кабинете был мой следователь Митрофанов и еще несколько человек. Мне был задан вопрос: занимался ли я вредительством? На что я ответил, что все это выдуманно. А такие стандартные дома с печами, уже тот козырек отпал, построены сотни тысяч по всей территории страны. С приятной улыбкой после паузы этот начальник сказал: «Ну что, Михаил Николаевич, мы вас отпускаем и вы сейчас с товарищем Митрофановым поедете домой, вы свободны». Мне разрешили позвонить домой, и я сказал: «Я сейчас приеду». После опять унижительного обыска меня вывели задними ходами на улицу Малая Лубянка, где мой, уже бывший следователь, с машиной М-1 ждал. Увозили из дома на М-1, привезли домой тоже на М-1. Итак я просидел в заключении 3 года, 9 месяцев, или 1350 дней, с 20 апреля 37 года по 21 января 41-го года». Все.

<далее выпущен небольшой кусок, где жена О.М. уточняет, все ли он рассказал>

Конец записи на стороне «А» 3 кассеты

Конец записи.